

The background of the cover is a dramatic illustration of a pirate ship at sea. The ship is a three-masted vessel with dark sails, a skull and crossbones flag on the mainmast, and a crow's nest. It is sailing on a dark, choppy sea under a large, bright full moon. The sky is a mix of dark and light tones, with several birds flying in the distance. Another smaller ship is visible on the horizon to the left.

**Василий
Попов**

**За бездной
невозврата**

18+

Василий Попов
За бездной невозврата

«Автор»

2026

Попов В. Л.

За бездной невозврата / В. Л. Попов — «Автор», 2026

В двух параллельных мирах, объединённых общей целью — искуплением, разворачиваются две истории. В сером мегаполисе Виктор, переговорщик, сталкивается с внутренними демонами и призраками прошлого. Юный Марк после рокового прыжка с яхты оказывается в сюрреалистичном подводном мире — мистическом пространстве для тех, кто ищет второй шанс. Эти истории не пересекаются в пространстве, но переплетаются в главах, исследуя тонкую грань между волей к жизни и желанием исчезнуть. Произведение является художественным вымыслом и не содержит призывов к действию. Внимание: текст включает описания сцен самопожертвования и суицидального поведения.

© Попов В. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Победа Виктории	5
Корабли и капитаны	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Василий Попов

За бездной невозврата

Победа Виктории

«У каждой ошибки есть глубина,
у каждого искупления – своя цена.»

«Когда это началось?»

За окном кипит утренний европейский город: люди спешат по делам, ожидая зелёного сигнала светофора, школьники бегут в школу, открываются двери кафе и магазинов. Это вторая волна активности, которая начинается с первыми лучами солнца.

«Возможно, это произошло во время очередного запоя, когда коллеги перестали звонить, а остальные звонки сводились к простому поднятию трубки и выслушиванию приветствий». В ответ он молчал, откинувшись на подушку не в силах ответить.

Когда к людям приходят «белочки» или «чёртики», к Виктору пришла она. Как будто и не уходила, растворившись в другом мире. Задержалась только в его памяти, и то ненадолго – стираясь и оставаясь лишь не трогающим душу напоминанием, которое появлялось в моменты похмельного синдрома.

Она была такой же, как в их последний день: модная, с ярким макияжем, озорной блеск зелёных глаз, целеустремлённая до победного конца.

Улыбнулась, прищурившись: «Не ждал, забыл и разлюбил?» – ещё одно подтверждение, что это она.

Уникальная особенность – заложить в три коротких слова весь смысл выражения. Будь то претензия, призыв к действию, высказывание своего мнения. В любом диалоге, независимо от статуса участников, она говорила кратко, чётко и почти всегда объективно. Как три коротких выстрела, иногда с паузой перед третьим, как перед «контрольным» – оценив результат двух предыдущих, и – точка. Крайне редко при необходимости – три коротких фразы.

– Ты успел позавтракать? – донеслось с водительского сиденья.

«Роберт, Робин, Роб...» – он закончил диалог со своей дочерью-подростком, и напомнил о себе Виктору.

– Не очень хорошо выглядишь. Ты принимал лекарства? – поинтересовался водитель.

– Принимал. – Виктор потерся о подголовник заднего сиденья. – Кофейку бы? – и «растёкся» по креслам, словно его тело и было необходимым так сейчас напитком.

– Да, хорошо бы... – В сожалении Роберта звучала вся срочность и неотложность их спешки, а также невозможность насладиться кофе.

Виктор никогда не садился на переднее пассажирское сиденье. Это словно обязывало его к чему-то. Быть ближе к Робу? Но близких у него не осталось. Отец и мать, самые близкие по крови, отдалились, когда постарели и ещё раньше после драмы всей его жизни.

Открыв окно, он впустил в салон звуки пронсящегося мимо проспекта и погрузился в воспоминания.

«Да, наверное, тогда...» – она вошла в спальню и сказала:

– Хватит, оглянись, ты им нужен!

– Кому? – с трудом проглотил ком Виктор, сжимая стакан с минералкой.

– Им, людям, как мы, – поправило выющиеся волосы призрачное видение, словно читая его мысли.

– А какие, как мы? – едва справляясь с тряской тела.

– Ты сам знаешь. Я ненадолго. Да и кофе закончился.

– Кофе закончился, представляешь? – Роб протянул банку ледяного энергетика. – Сталкивался когда-нибудь с таким?

– Нее-т. – Виктор приложил банку ко лбу. – Дома когда-то... Давно.

– Вот и я про то же.

– А нам куда? – взбодрившись напитком, Виктор оглядел здание и очередь возле ларька.

– В парк возле Наполеона.

Виктор никогда не запоминал названия улиц, площадей и проспектов.

«А может, началось ещё до этого? Когда он пришёл в церковь и, слонясь возле икон, встретил укоризненные взгляды святых. Не найдя понимания, он хотел уйти, но обращение священника остановило его:

– Ты что-то потерял, сын мой? – голос был приятным и мягким.

– Да, потерял... – Он взглянул в глаза священника. – Самого себя и ещё кое-кого, но это гораздо раньше.

Диалог со слугой бога убедил Виктора в бесполезности его прихода. Но одна часть диалога запомнилась:

– Если что-то или кого-то ты и потерял, то только для того, чтобы обрести снова, – слугитель перебирал нефритовые чётки с крестом. – Или Бог что-то уже дал тебе, но ты не распознал в этом дара, значит, не поделился с другими. Он, – говорящий поднял глаза к небу, – никогда ничего не делает просто так...

Виктор, выходя, задумался об эфемерном существе, которое что-то дало ему, а затем забрало.

«Её? А с кем делиться ею? Он дал мне любовь? Но ведь я делился ею с Викторией – со своей любимой. Нет, ахинея какая-то...»

– И что там? – спросил Виктор, допив энергетический напиток, и выпрямился, плотно прижимаясь спиной к спинке сиденья.

– На улице великого полководца? – весело отозвался Роберт. – В парке?

– Да, в парке, – с легкой раздражительностью ответил его пассажир.

– Городок развлечений, аттракционы, колесо обозрения и... – Роб внезапно стал серьезным. – И стоящая на грани отчаяния, решившаяся на отчаянный шаг... Всё как ты любишь! – он осёкся, понимая, что сказал лишнее.

– Высоко? – Виктор растёр лоб и виски, уши.

– Высоко. – Ответил тот маневрируя между «замирающими» автомобилями, реагирующими на спец сигналы их несущейся машины.

– Давно? – Несмотря на постоянные болезнетворные состояния Виктора манера вождения Роберта в момент движения к эпицентрам их экстренных вызовов, успокаивали его и всегда настраивали на рабочий лад.

– Уже почти полтора часа как...

– Почему так долго решается? – Вопрос был риторическим.

– Не знаю, может... жаждет триумфальной минуты виктории?.. – Роберт ухмыльнувшись сразу же закашлялся, видимо понимая, что сегодня говорит слишком много лишнего и наказание однозначно придёт к нему.

«Победа Виктории...» – подумал Виктор, наморщив лоб. – «навверное, с «триумфа – виктории» всё и началось... – с их с Викторией «виктории» ... Какая ужасная и трагическая тавтология...»

Её звали Виктория, что вызывало всегда удивление при знакомстве с их парой, ряд добрых шуток и весёлых жизненных путаниц после того, как они официально были признаны этой парой.

Им было по семнадцать лет. Это была эйфория. Всё вокруг, не только они сами, было переполнено всепоглощающим чувством. Потоки неизведанных запредельных ощущений уносили их безвозвратно в новый мир. И даже тот, который они знали, кажущийся рутинным, тоже виделся им в новом свете. Яркие краски. Воздушные замки. Наполненные эпитетами признания.

Всплески эмоций, связанных с новым чувством, лучезарными брызгами вылетали наружу, создавая радугу и попадали на их окружение, близкое и не совсем. Им завидовали? Возможно. Но они не замечали, слепо купаясь в собственном «Граале счастья».

Родители... Вот они-то всегда были против. И её – строгие и требовательные, и его – возлагающие надежды на «своего единственного и однозначно уникального». Выходцы из абсолютно разных слоёв общества были категоричны в своих настроениях по отношению к этому «союзу победоносных имён».

Но кто, паря на седьмом небе от переполняемого чувства любви, обращает на подобные мелочи внимание? «Ни каких преград и границ, только мы, вместе до конца, навсегда!»

«Скорее всего, тогда это всё и началось!»

Внезапно неприятие пары родителями переросло в давление моральное и физическое. Они словно сговорились.

«Хотя, может быть, и сговорились...»

Физическое давление выразилось в разъединении пары. Виктор уезжал на всё лето в лагерь в одну сторону страны, а его обожаемая и любимая – в другую точку мира для погружения в англоязычную среду.

Никакие протесты не помогали. Аргументация была простой и убийственной – лица, не достигшие восемнадцати лет...

Последние три дня Виктора и Виктории были проведены под слоганом: «Расставание – маленькая смерть...» Они находились в «предсмертном» состоянии. Да, вместе рядом, да, в тактильной близости, но растоптаны и раздавлены безжалостным надругательством над их чувствами. Да ещё и со стороны близких по крови людей.

А их собственные успокоительные фразы: «Это лишь до конца лета, всего-то три месяца, есть в конце концов интернет, видео чаты и всё такое...», им угнетённым и подавленным помогали лишь на несколько минут.

Шоковую прострацию остановили слова Виктории, снова просветлив приближающийся мрачный горизонт: «Я знаю, что делать!!!»

Её план был безумен, но ослеплённое психологической драмой восприятие самого Виктора заметило в этом спасение. «Ну выход как минимум...»

Трагическая волна фатального отчуждения захлестнула молодёжь, а общество и власть застыли в немом бессилии. Обвиняли сектантов, школы, родителей, власть и экономический упадок страны и, конечно, саму разлагающуюся деморализованную европейскую молодёжь, не в первом поколении преклоняющуюся веянию Америки, напроць лишённых моральных устоев и ценностей.

Но Виктория «зацепилась» именно на подобном привлечении внимания к себе. – «Разыграем, доведём их, победим!»

Услышь он это до усиления давления родителей и после самих «триумфов-викторий», он бы «посмеялся» и железными аргументами разубедил бы кого угодно и даже её. Но для принятия позитивного решения обстоятельствами были созданы все условия. И он согласился.

Виктория всё придумала – её отец военный участвующий в нескольких компаниях в Ираке и Афганистане, и с полдюжины неучтённого огнестрельного оружия хранится в его кабинете в оружейном шкафу. Два пистолета, знакомые ей с малых лет так же, как все детские игрушки в её комнате, сейчас лежали перед ними на столе.

«You tube канал, прямой эфир, внимание...» – были одним из основных пунктов этого безумия.

Они сидели на кожаном диване гостиной в доме её родителей, прижавшись голова к голове, в руках каждого по страшному и разящему механизму из стали, в её холодном блеск отражались их решительные лица – застывшие маски людей, принявших общую судьбу и готовность вместе шагнуть в пустоту. Они видели друг друга в отражении экрана монитора.

Прямой эфир... Их подростковые, полные отчаяния требования... Стуки и звонки в дверь... Крики... Голос её матери...

И даже тогда она сказала только три слова: «Раз, два, три...»

По её замыслу эта инсценировка была лишь репетицией. Заявив, что имитация с незажженным оружием попослушнее предупреждение, они дали понять: если преследования их светлых чувств не прекратятся, следящая акция пройдёт в боевой готовности. В прямом эфире они демонстрировали миру сценарий грядущей расплаты за оскорбления их любви.

Но на счёт «раз-два-три» раздался оглушительный грохот, и резкая волна откинула Виктора на подлокотник дивана. Воздух наполнился звоном, криками и воем сирен сливающимися в единый гул.

Ошеломлённый Виктор пытался осознать увиденное, пока сознание заполнял хаос разыгранного, но пугающе достоверного финала.

Вот она, «виктория... триумф»!

– Виктор! – донёсся голос Роберта издалека. На самом деле он стоял возле открытой водительской двери и, согнувшись, смотрел на него. – Виктор! Твой выход..., и я тебе честно не завидую, держись мужчина.

– То есть... – даже вырываясь из плена воспоминаний, с заднего сидения Виктор видел, как его спутник дрожит, как, впрочем, и его голос. – Разве ты не со мной?

– Нее-е... Боже упаси! – При всей своей ярко выраженной брутальности Роберт панически боялся высоты.

И Виктор, зная это, с улыбкой воспринял трансформацию из взрослого состоявшегося констебля полиции в трусливого сжавшегося зайчишку, хищным волком для которого являлась не само ощущение высоты, а понимание того, что его коллега будет сейчас этот барьер преодолевать. Рука Роберта дрожала, когда он сунул пачку сигарет в руку Виктора – неотъемлемый атрибут его предстоящей работы.

Свежий прохладный воздух, вдох, выдох... ещё это помогает окончательно пробудиться. Толпа зевак, сдерживаемая оцеплением. С появлением Виктора гул голосов на мгновение стих, но вскоре возобновился с новой силой. В воздухе витали «ахи», саркастические замечания и смешки. Всё как всегда – ничего не меняется.

Он сделал глубокий вдох и, взглянув вверх, увидел колесо обозрения. Уголки его губ слегка дрогнули в усмешке. «Интересно, что курил его создатель?» – подумал он. Помимо основных металлических балок конструкции, колесо было хаотично переплетено надутыми трубами, раскрашенными под змей разных видов. Кабины же напоминали головы этих пресмыкающихся. В центре колеса, на одном из изгибов переплетённых змеиных тел, стоял человек.

«Невысоко, всего десять-двенадцать метров... Что же его останавливает?» – подумал Виктор. В этот момент он почувствовал на себе взгляд медика, который стоял рядом, и увидел

на его хмуром лице выражение возмущения. Виктор понял, что озвучил свои мысли вслух. Улыбнувшись, он извинился и шагнул к лестнице пожарной машины.

Поднимаясь по лестнице, он видел лица взрослых и детей в кабинах, которые «оживляли» своим присутствием и движениями огромные змеиные головы конструкции. Каждая кабина была уникальной раскраски – в тон выщегося тела змеи. Кусочек Азии в унылой серой Европе.

«На что это похоже? На секс с Викторией?» – глядя на изогнутые тела змей вспомнил он. Даже учитывая способности спортсменки, художественной гимнастки, она всегда поражала его своей гибкостью. Во время половых актов она заставляла и его гнуться, тянуться и складываться в самых невообразимых позах. И он всегда удивлялся, когда обнаруживал её голову или другие части тела в самых неожиданных местах. И не только её – он иногда видел свою руку или ступню в переплетении их потных тел, когда всё это дрожало, вздыхало и стонало. Со стороны их акты любви могли показаться произведением абстракционистов или сюрреалистов.

Воспоминания вызвали поток приятных мыслей и давно забытых ощущений.

Он достиг уровня стоящей среди разноцветных элементов колеса потенциальной жертвы. Девушка лет шестнадцати или восемнадцати. Она с ужасом в глазах смотрела на Виктора. Осмотрела с ног до головы. Он даже занервничал полагая, что она могла заметить результат всплеска его эротических воспоминаний. Он сунул руку в карман джинсовых брюк – убедиться, что его возбуждение не проявило визуального эффекта.

«Да нет, слава Богу, Виктор...» – Облегчённо вздохнул он.

Девушка крепко держалась за металлический крепёж, стоя на широкой поверхности тела змеи. На ней были джинсы, короткая ветровка и кепка. Её бледное лицо обрамляли собранные на затылке волосы, а дрожащие губы приоткрытого рта были готовы произнести что-то. Синие глаза широко раскрылись, когда он вытащил из второго кармана мягкую пачку сигарет, сжатую до этого от волнений в рулон.

– Это не то, что ты подумала, – улыбнулся он.

– Ну да, – кивнула облегчённо девушка, и глядя не мигая предположила. – Это же какой-то элемент механизма спасательной экипировки, – она вздохнула, бросив растерянный взгляд в пустоту, но затем снова обратилась к нему. – Или постой... Ты думаешь выкуренная сигарета – это моё сокровенное желание именно сейчас?

Виктор улыбнулся и впервые посмотрел вниз на лица толпы, врачей, на хаотично разбросанные машины с мигалками, на другие замершие аттракционы, на прилежащий к парку пруд, на город.

«Шутит и говорит вполне связно, никаких эмоциональных «выбросов» в массы. Отчаянием и не пахнет. Что же тебе, сука, тогда нужно?» – подумал он.

Он улыбнулся самой девушке, облачному небу и протянул ей пачку сигарет.

– Может всё-таки... будешь? – делая шаг приближаясь на расстояние в пол метра он протянул сигарету из выпрямленной пачки.

Она снова взглянула на промежуток, разделяющий их. Подняла глаза на него в них уже отсутствие ужаса, но и доверия пока тоже. После некоторых колебаний девушка всё-таки кивнула, протягивая свободную руку к нему.

– Давай. А то стою и мучаюсь – что забыла то в дорогу?

Уже через сорок минут они спускались вместе с девушкой вниз под разделившиеся крики толпы: недовольство неоконченным «шоу» и радость удачного исхода чрезвычайной ситуации. Несостоявшуюся жертву бесцеремонно «проглотил» медперсонал и автомобиль скорой помощи. Виктора поглотила смешанная толпа из зевак, наводящих порядок полицейских и подоспевших за «горячим» тележурналистов.

– После очередного успешного проведения переговоров, – к нему пробилась одна из новостных репортёров, ткнув неожиданно в его нос микрофон и нисколько не смущаясь этого завопила, представляясь и перекрикивая коллег по цеху:

– Как? Как вы всё-таки это делаете?

Ледоколом пробиваясь сквозь льды журналистского нароста, Виктор плыл к спасительному маяку – к поднятой руке Роберта со стаканчиком кофе в ней.

– Кто была эта девушка? – Репортёры перекрикивали друг друга.

– Какова причина её столь радикального решения? – Вопросы подкреплялись съёмкой на фотоаппараты с огромными объективами.

– Это как-то связано с предыдущими случаями? – Невысокий журналист «вынырнул» откуда-то из-под самого Виктора.

– Без комментариев, без комментариев, – мотал головой он, опираясь на спины коллег в форме, сдерживающих натиск «разношерстной» толпы. – Вся отчётность у моего непосредственного начальства, – и Виктор указал рукой в сторону BMW класса «премиум».

«Льды» весенним паводком сместились в сторону выходящего из автомобиля капитана. Сжали, обступив его.

«Ну он-то не треснет под их давлением, не в таких передрягах бывал», – подумал, улыбаясь Виктор.

Роберт, усадив его в салон, оттолкнув ещё пару назойливых корреспондентов, сигнала, вывез их «экипаж» из толпы и погнал прочь из парка.

– Наш-то, видел, как разошёлся? Как в бою, – Роб хмыкнул, упоминая начальника, и взглянул в зеркало. – Словно снова он на Балканах...

– Угу. – Вяло ответил Виктор, делая мелкие глотки кофе.

– Устал?

– Да. – Даже удачное завершение его переговоров не всегда покрывало его эмоциональное истощение, полученное в момент самого процесса.

– Прости, но не могу не спросить, уже по традиции, – отражение смеющихся глаз Роберта Виктор увидел в зеркале заднего вида. – Как ты это делаешь? Не, ну серьезно?

– Сам не знаю. – Виктор улыбаясь закрыл глаза.

Вечером капитан – одноклассник отца – спросит его, поставив рюмку коньяка перед Виктором с неизменным лимоном. И то же традиционно заглянув в глаза, добавит: – Ну мне-то ты можешь сказать, Вик, ведь не чужие друг другу люди. Как у тебя это получается?..

– Как ты это делаешь? – спросит на очередном сеансе штатный психолог департамента, пристально глядя Виктору в глаза и ища «искажение» в мимике лица, следя за жестиком руки клиента.

Судя по методам и уровню работы психолога, он, однозначно, «не чужой кому-то человек из департамента». Виктор всегда подозревал, что всем специалистам этой области необходимы «задушевные» беседы с их коллегами, но, понимая, как сидящий перед ним человек открыто издевается над личной ситуацией Виктора в прошлом, каждый раз проводя аналогию с очередным случаем из его работы, и тем более, с каким «ярким» возбуждением специалист рассказывает о преимуществах того или иного успокоительного препарата, антидепрессанта, предлагаемого клиенту, вывод сам напрашивается за себя – лицензия психолога была куплена. И даже, что на самом деле страшнее – степень доктора, обладающего правом выписывать лекарства. Причём коллеги Виктора по полицейскому департаменту, не стесняясь, обсуждали нулевую степень подготовки специалиста, и это абсолютно никого не смущало в самом департаменте.

– Как тебе это удается? – спрашивали его коллеги по отделу, к которому был прикреплен Виктор.

Его даже неоднократно подозревали в сговоре с потенциальными жертвами и в организации фальсификации этих случаев.

– Для чего? – кричал Виктор, размахивая рукой с растопыренными пальцами возле своего лица, явно неадекватно реагируя на обвинения. – Чтобы получить эту работу? «Непыльную», с ненормированным графиком, «без нервных срывов»? – Голос его часто срывался в крике. – Или, может быть, мне необходимо лишний раз засветиться на экранах телевизоров? – спрашивал он, и его слова звучали словно эхо в тишине.

Внутренние расследования не давали результатов. Виктор отказывался от вызовов, предпочитая проводить время за изучением полезной информации в архиве. Но ему снова и снова звонили, уговаривали, приказывали, убеждая, что он единственный, кто может помочь.

Два случая из трёх, когда не было фатального исхода, – это действительно результат его работы. И он снова поднимался на крышу, пробирался в квартиру, карабкался по лестницам и металлическим конструкциям, хватаясь за скользкие поручни.

«Как мне это удаётся?» – задавался вопросом Виктор. Если бы он попытался объяснить кому-либо, его бы сочли сумасшедшим, списав на психологическую травму после собственной попытки в прошлом. Но он продолжал отстаивать свою позицию до конца, даже до приезда врачей и помещения в клинику.

Всё началось случайно.

«Да, именно тогда всё и началось...»

Он протиснулся в машину коллег, которые развозили друг друга по домам. Поступил звонок о возможной угрозе собственной жизни в районе, где они находились, и машина развернулась. Подросток стоял на краю, и Виктор, никого не предупредив, протиснулся сквозь толпу, нарушая все запреты. Не обращая внимания на предупреждения и крики коллег, он поднялся наверх и, махнув рукой на запрещающие приказы, сел рядом с дрожащим от перевозбуждения парнем.

«Он, наверное, думает, что я псих?» – размышлял Виктор, болтая ногами, которые свешивались вниз. Он убирал то один ботинок, то другой, позволяя себе рассматривать машины полицейских, скорой помощи и толпу спасателей, которые разворачивали оборудование четырьмя этажами ниже.

Холодный октябрьский ветер обжигал щёки и трепал волосы.

«Конечно, если сам псих, забравшийся сюда и решившийся на подобное, может разделять людей по классам – на психов или нет...» – думал он.

Оказалось, может.

– Ты псих?! – выкрикнул парень, задыхаясь.

– Да, – спокойно ответил Виктор. – Но ведь не больше, чем ты. Разница только в том, что я не только знаю, почему ты здесь, но и знаю, что будет потом, когда произойдёт то ужасное, что ты задумал.

– Ты врешь! – выкрикнул подросток. – Никто не может знать ни первого, ни тем более второго!

– А я знаю – так же спокойно проговорил Виктор, глядя, как спасатели растянули батут. – И не решился ты ещё только потому, что не уверен до конца, что она тебя предала.

– Да что ты можешь знать об этом? – с ненавистью закричал парень, приближаясь к Виктору.

– Всё, я знаю всё – прошептал Виктор, кося глаза на человека, крадущегося к ним сзади. Он сделал отрицательный знак рукой. – Ты же думаешь, что она была в лагере скаутов с Йонасом из соседнего микрорайона и ночевала там, ставя тем самым крест на ваших отношениях и грандиозных жизненных планах, так ведь?

Он, повернувшись к потенциальной жертве, смотрел в его расширенные глаза. Парень сделал шаг назад, схватившись за скобу из арматуры. С его нижней губы слетела слюна, капнув на покрытую битумом поверхность.

– Кто ты, твою мать?!

– Псих, сидящий здесь и болтающий ногами, – улыбнулся Виктор солнцу, которое «протиснулось» сквозь облака. – А ещё тот, кто видит будущее её и твоих близких. Молчи! – опередил его Виктор, видя, как доверившийся ему коллега за их спинами отдалился. – Никто не умирает в одиночку, вместе с человеком умирают, пусть постепенно, но чувства других людей к нему. А сразу что? Вера в него, в способность помочь, защитить. Очень часто с этим человеком умирает смысл дальнейшего существования близких ему людей. А после именно твоей смерти твой отец, спортсмен и вполне успешный бизнесмен, запьёт, да, да, запьёт. И его найдут на автобусной остановке в лесополосе замёрзшим и обмочившим свои штаны. Твоя мать, убиваясь от горя, в итоге с психическими расстройствами будет помещена в клинику для душевнобольных. Твой младший брат, оставшийся без строгого родительского контроля, будет втянут в торговлю запрещёнными препаратами, а в последствии пристрастившись к ним, и сам сгинет где-то без вести. Твоя Гертруда на самом деле начнёт встречаться с Йонасом, и он бросит её беременной, а она, родив одиночкой, будет влачить жалкое существование и в тридцать лет, попав в аварию, окажется в инвалидном кресле. Как тебе такие перспективы?

Он смотрел в расширенные и красные глаза застывшего парня, по-прежнему болтая ногами. Тот покачал головой, ещё крепче сжимая арматуру.

– Этого же всего можно избежать, этих абсолютно никому ненужных трагедий в будущем, – улыбнулся Виктор, взглянув на небо. – Просто надо прекратить истерику и понять: Гертруда твоя лишь захотела большего внимания к себе и, пофлиртовав с Йонасом, сказала, а нет, даже просто намекнула тебе, что была в лагере с ним. А остальное ты уже додумал.

– Но... откуда ты?..

– Неважно, откуда я, важно, что, если ты... вдруг захочешь продолжить жить, – Виктор поднялся на ноги, не задерживая надолго очередной взгляд на парне. – Будь готов! Женщины они такие – богини коварства...

Он похлопал дрожащего парня по плечу.

– А если всё-таки решишься, то возьми разбег побольше – батут только с высоты такой маленький. А ещё лучше смени направление!

Это Виктор уже говорил, отвернувшись и идя к группе коллег, но боковым зрением видел: парень отошёл от края. Нет, не для разбега, он, опустив голову, медленно шёл за ним. И не сопротивлялся, когда члены группы спасения подхватили его под руки. Уже внизу Виктор попал под перекрёстный допрос коллег, под их изумлённые взгляды после всё разъясняющих фраз кого-то из спасательной службы. Его же коллеги поздравляли под свист и одобрительные крики толпы. Сев в пустую машину, Виктор спрятался от всеобщего внимания. От парня с бейджилом «Radio wave 4». Только здесь он обратил внимание, как девушка с размазанной тушью на лице хлестала парня ладонью по щеке, а люди в комбинезонах медиков прятали от неё несостоявшуюся жертву.

«Конечно, тогда всё и началось!»

Его вызвали в отдел, занимающийся анализом и предотвращений подобных случаев, и засыпали множеством вопросов. Там присутствовал штатный психолог, который непосредственно общался со своим коллегой, у которого Виктор состоял на учёте. Всем было очень интересно узнать, как он смог убедить подростка, настроенного столь решительно.

Журналисты без стеснения вторгались в его сознание и прошлое, задавая вопросы, которые, казалось, проникали в самые глубины его души. Однако коллеги смогли оградить Виктора от назойливости прессы. Кого-то даже из работников прессы посадили под стражу, и давление вопросов несколько спало.

Как понял Виктор, жертва любви Гертруды тоже не стал рассказывать об их диалоге. То ли постеснялся, то ли просто потерялся в лабиринтах своего вновь обретенного счастья. Ведь Гертруда, судя по всему, была той ещё штучкой!

«Началось? Да, началось!»

Во второй раз его вызвали ночью, подняв с постели. Но, с другой стороны, Виктор был рад – звонок выдернул его из тяжёлого кошмара, которые с неизменной регулярностью посещали его и не отпускали днём, так как он мысленно возвращался к ним, стараясь понять смысл своих снов.

Он объяснял эти кошмары побочным эффектом от антидепрессантов, а его психолог – последствием его попытки и тем, что происходило после. Никто не верил, что это была часть акции протеста – ни родители, ни работники следствия, ни специалисты в области психиатрии и психологии.

«Что было потом?»

После этого люди не могли относиться к человеку, пережившему подобное, с прежней адекватностью. Кому нужна эта адекватность, когда такое произошло?

В тебя тыкают пальцем, шепчутся за спиной, рассматривают так, словно на лбу написана причина твоих необдуманных и безрассудных действий. Никто не верит в случайность и трагическое стечение обстоятельств.

Знакомые интересовались: «Как он?» И непонятно было, кому действительно было интересно и важно его состояние, а кто хотел узнать, «Ну, какие ощущения?» Это было сродни вопросу тех, кто не решился прикоснуться к запретному у того, кто уже переступил черту, не важно, о чём шла речь – о прыжке с парашютом, сексе, алкоголе.

«Как? Как? Как?» – кричали их глаза, лица и жестикуляция рук.

И Виктор откровенно отвечал: «Ужасно». Ведь это всё-таки не выброс адреналина и получение эндорфинов или что там ещё даёт половой акт, вино или какие-то препараты? Его однозначный ответ ограждал от новых попыток расспросов.

Но самыми болезненными были вопросы знакомых, которые по какой-то причине не знали шокирующей новости – из-за отсутствия в городе или по другим причинам. Они спрашивали при встрече после нескольких фраз приветствия: «А как Виктория? Где она? Вы всегда же вместе? Не разбежались? Такая пара. Было бы жаль...». Это было очень больно. Ему казалось, что его рану разрывают и засыпают битым стеклом. После таких встреч психолог Виктора засыпал его новыми рецептами сильнодействующих препаратов.

А родители? Близкие Виктора подверглись таким же нападкам, как и он. «Как вы допустили? Куда вы смотрели?» Конечно, это отразилось на их трудовой деятельности – мать потихому сократили, а отца выгнали с треском, без «телячьих нежностей», не помогли никакие профсоюзы. Перед глазами Виктора теперь всегда их лица и взгляды, в которых укор граничит с презрением.

«Как ты мог?!»

Мать из первоклассного педагога «превратилась» в продавщицу магазина на окраине города. Отец, высоко разрядный токарь, годами не снимаемый с доски почёта предприятия, теперь прозябал сторожем детского сада и молодёжного клуба по интересам, дежуря в них по очереди, разумеется, с мизерной оплатой труда. И их единственное чадо не оправдало надежд. Соответствующая атмосфера внутри семьи, и при первой же возможности, достигнув совершеннолетия, Виктор покинул родной дом.

Родители Виктории – здесь всё понятно и без слов. Отец её не понимал, конечно, с позиции военного, почему Виктор не проверил наличие патрона в патроннике, даже не углубляясь в то, что в доме токаря и педагога не может быть арсенала огнестрельного оружия и то, что Виктору почти год до призывного возраста. И то, что он видел боевое оружие впервые в тот трагический день, а не то, что умел легко обращаться с ним. Кого интересуют такие мелочи? Если не интересуют такие – откуда столько оружия в доме военного? Как же – его триумфальная «компания» в Ираке на другой чаше весов. С таким весомым преимуществом.

Её мать просто смотрела на него с ненавистью, иногда удивляясь вслух: «Почему она, а не ты?..»

Не желая больше жить с «виновником» трагедии в одном городе, дождавшись неадекватного решения следствия, на их взгляд – отсутствия преступного умысла в действиях подростка, разрушенная семья, убитая горем пара родителей, уехала в неизвестном направлении.

Так, наверное, и должно было всё закончиться, если бы не ночные кошмары, психолог, собственная память Виктора и отдельные «злобные участки» памяти других людей.

«А может, всё как раз и началось раньше с родителей Виктории?»

Ведь это они, по её рассказам, навязывали мнение, что она не такая, как все. Ставили в пример одноклассниц и сверстниц – дочерей их знакомых. Заставили заниматься гимнастикой. Подгоняя под общие подростковые стандарты потребительского поколения, водили по модным магазинам, покупали дорогие вещи и, самое главное, сами определяли круг её общения, загоняя в строгие рамки. И само собой не могло быть и речи о каком-то Викторе, который не от мира сего. «Бесперспективный, бесхребетный хилый сопляк» – так отзывался о выборе дочери отец, расхваливая бойцов его элитной части. Её мама неоднократно «сводила» Викторию с

детьми своих подруг, с воспитанными мальчиками из благополучных семей и, что не мало-важно, «уже с огромным жизненным потенциалом в столь юном возрасте». Виктор, конечно, под эти критерии не попадал. Сама Виктория ломала все попытки родителей. Чьей основной причиной, конечно, было не рассмотрение её собственного мнения и интересов, а нарушение личного пространства и вмешательство в личную жизнь, пусть ещё пока и юную.

Но в какой-то момент сама Виктория вдруг поняла, что она «белая ворона» и именно это ломает её подростковую психику. Она, как легкоатлетка, отставшая на круг, бросилась догонять группу лидеров, отодвинув Виктора на самые дальние трибуны зрителей.

Но ведь невозможно стать инсайдером в одно мгновение. Девочки не принимали «холодную абстрагированную дуру» в свои небольшие ячейки общества, которые они создавали годами. Молодым пижонам было достаточно одного свидания с Викторией, чтобы понять, что их интересы вряд ли совпадут когда-либо вообще. И она по-прежнему осталась той же «вороной», с тоской, взвизгивающей на «постороннего наблюдателя» на пустеющем стадионе. На одинокого Виктора. Кому ещё будет интересен тот, кто неудачно пытался примкнуть к нескольким школьным сообществам? Такой человек вызывает ещё больше презрение и непонимание.

Конечно же, он не отвернулся. Но и Виктория, потерпев поражение, решила полностью пересмотреть жизнь и выстроила концепцию, полностью меняющую её.

– Ты живой там? – от воспоминаний его отвлек Роберт, который теперь был его личным водителем. – Вот, взбодрись, – двойной экспрессо.

– Угу...

Виктор маленькими глотками потягивал ароматный напиток.

– Тяжело тебе с утра от таблеток, – с пониманием произнес его спутник. – И эти ещё! В основном, с утра, не знаешь почему?

– Школьники и студенты, по большей части. Хотя статистические данные не выявляют каких-то строгих временных отметок... – Виктор задумчиво смотрел на театральную афишу на очередной остановке в автомобильном заторе, где водителям было трудно освободить дорогу для машины с включенными сиреной и проблесковыми маячками. – Может быть, время удобное – родители на работе. Взрослые, наоборот, ближе к ночи, в полнолуние «особенно хорошо» ...

– Что ж хорошего? – горько усмехнулся Роберт. – Всем проблемы – близким, нам, да и себе самим.

Виктор потерял нить разговора, задумавшись о том, если бы он сам захотел решиться на отчаянный шаг, то в какое время сделал бы это. Вернули его к происходящему вокруг резкие ускорения и торможения, сигнальные гудки других водителей. Он допил кофе одним глотком.

– Да, и себе самим... Мне легче в полнолуние, – прокашлялся Виктор, осознавая неуместность своей недавней оценки. – Не знаю почему, да и вообще лунный свет помогает – лица их хорошо видны, глаза, просто ... удобней работать.

– А-а-а-а.. – с пониманием протянул Роберт. – Ну-ну, иди работай! – и он в дуге поворота резко затормозил, останавливая машину.

– Мост?

– Ага!

Виктор шагнул в толпу. Он не любил мосты, которые раньше обожал – обожал смотреть с них на проплывающие суда и просто на воду, на её течение; фотографировался на них, делая интересные «селфи», вешал с Викторией замки вечной любви...

Впрочем, не только мосты теперь вызвали у него негативные эмоции – высоты, стремительные потоки воды, поезда и несущиеся мимо вагоны в метро, ванны, острые бритвы, оружие...

Всё эти шаблонные орудия сведения счётов с жизнью вызывали у него панику, и он старался свести использование всего этого к минимуму. Но ему приходилось видеть и оружие коллег, и лекарства, принимаемые им самим, и даже установленная душевая кабина вместо ванны не приносила облегчения, он часто с утра видел лужу крови в районе стока. Понятно, что это были галлюцинации или остатки его кошмарных снов, напрямую связанные с медикаментозным лечением. И даже сам он иногда приходил к выводу, что именно препараты усиливают его панические атаки.

Но он взбирался на краны, лез на мосты, поднимался на самые последние этажи многоэтажек...

– Виктор, будь осторожен! Эта сучка – настоящая истеричка, – парень в лёгкой для такой погоды куртке уклонялся от медиков, пытающихся оказать ему помощь – его рассечённая щека кровоточила.

Он не знал обратившегося к нему. Но ведь Виктора теперь знали все, тем более коллеги по департаменту. И он не понимал – каким образом человек, решивший переступить сам черту между жизнью и смертью, нанес ранение другому. Нонсенс!

Сам «нонсенс» держалась за витиеватую ограду моста и движениями угрожала пытающимся подойти ближе совершить задуманное, внизу – железнодорожные пути. Девушка в берете, в коротком пуховике и не совместимых ни с тем, ни с другим, по мнению Виктора, кожаных сапогах.

«Ещё и красивая ведь дрянь!»

Он смело шёл ближе. Он никогда не понимал, почему они его подпускают к себе. Возможно, из-за его уверенности, с которой он подходил к краю, к разграничивающей линии жизнь и смерть потенциальной жертвы. Возможно, уже зная о способностях Виктора, они, подпуская его, внутренне говорили: «Ну иди, давай, меня ты точно не отговоришь!» Или хотели услышать что-то от последнего в своей жизни собеседника, что-то, что не слышали от своих близких и друзей. Или хотели что-то сказать ему. Виктор не знал. Хоть иногда и озадачивал себя этим вопросом.

Подойдя, он облокотился на перила моста, не глядя на девушку, застывшую на грани, словно её и не существовало. И с жуткой лёгкостью перемахнул через ограждение под раздавшийся вздох толпы и встал на одном уровне с ней. Только после этого он посмотрел в удивлённые карие глаза девушки.

– Ну чего... давай вместе, – он подмигнул ей. – Скучно ведь одной... вдвоём всегда веселее.

Застывшая девушка выдавила из себя внутренний стон. Виктор не стал дожидаться ответа и продолжил:

– Ну что, бросил он тебя? – Он вздохнул полной грудью холодный воздух и взглянул на линию горизонта. – Не взял на острова... предпочел нелепую смазливую провинциалку из соседнего округа, которая и мизинца твоей левой руки не стоит...

Девушка ещё больше расширила глаза. В них мелькнули, сменяя друг друга, удивление, снова страх и ... интерес.

– Ты... что, её знаешь? – Голос её, несмотря на дрожь, был приятен.

– Кого? – Улыбнулся Виктор, сталкивая маленький камушек с парашюта.

Они оба следили за затянувшимся падением песчинки «каменной жизни».

– Эту клячу с кривыми ногами! – Её голос в гневе окреп.

– А-а-а... – Виктор взглянул мимо девушки – мимо пряжки её сапога, мимо пятна цемента на её коленке и, видимо, слишком надолго задержал свой взгляд.

Она повернулась, пытаясь понять, на что он так пристально смотрит.

– Нет... – поспешил ответить он. – Её не знаю, Боже упаси! – Он усмехнулся, достав пачку сигарет из кармана. – Зато хорошо знаю предмет твоего обожания... – Виктор поморщился, глядя в тёмное небо, в место скопления туч – предвестниц дождя. – Редкостная мразь, я тебе скажу... извини за прямоту, несмотря на весь его глянцево-показательный лоск...

Её лицо скривилось от гнева, но Виктор не любил словесных излияний подобных себе-седников, поэтому работал на опережение:

– ... ты, конечно же, не знаешь, куда он втянул малолетних девчонок, он заманил школьниц цифровую ловушку заставляя их выполнять опасные задания под угрозой шантажа. Каждое их действие обогащает его, превращая жизни подростков в инструмент для теневых махинаций в центре Европы!

– Ты лжёшь! Этого не может быть! – взвывала девушка, заглушая все остальные уличные звуки.

– Нет, и ты знаешь об этом. – Виктор плюнул в сторону железнодорожной ветки. – Просто лжёшь сама себе, пытаясь дистанцироваться оттого, что поняла ещё неделю назад, не так ли?

– Я ... – выдохнула она так, словно весь груз ответственности спал с её плеч. – Не была, ... – она сделала глубокий вдох и выдох. – Точно уверена, ... – и девушка вдруг закатила глаза.

«Держи её!» – резкий крик ворвался в его разум, разрывая перепонки, и Виктор свободной рукой обхватил обмякшее тело и прижал её к ограждению моста.

Её бледное лицо и мертвенно-синие губы коснулись его плеча, берет упал за спину. Меньше чем через минуту их обоих вытащили спасатели.

«Интересно, от чего ты бежала? От предательства или от того, что узнала его ужасную сущность? Скорее второе, ... первое для тебя не причина, ...»

«Возможно, всё началось с того, что некоторые люди, устав от обыденности жизни, просто стремились к славе?»

Как бы полиция и пресса ни пытались засекретить личности тех, кто едва не перешагнул черту, социальные сети все равно взрывались подробностями. Медиа платформы скупали эксклюзивы о людях, доведших себя до предела, а бренды без тени смущения крутили рекламу на фоне чужого отчаяния. Эти «герои» не искали конца – они искали софитов, возводя свою псевдодраму в ранг искусства ради минутного триумфа. Они жаждали публики и ждали Виктора. Но он не давал им шанса на премьеру: он просто разворачивался и уходил, оставляя их наедине с их фальшивым Олимпом.

Несостоявшийся «герой» возмущался, толпа роптала, коллеги и спасатели недоумевали. Виктор, морщась, просто просил Роберта увезти его. Отчаявшийся и не признанный, крича ему в спину, угрожал довести дело до конца.

– Ты уверен? – Удивлённый Роберт смотрел в окно.

– Абсолютно. Это фейк. Поехали, есть жутко хочется.

Толпа освистывала и осмеивала человека, не переступившего порог, снимая на телефоны. И это пропускала «цензура». Это была уже другая слава. Это были «минуты позора».

Вот почему Виктор по-прежнему оставался лучшим в своём деле. Он мог отличить настоящую жертву от общей бесполезной траты времени и сил. И вскоре подобные случаи сами изжили себя. Но не искоренить было и случаи с фатальными исходами.

– Слышал, о вчерашней ночной трагедии на скоростной железной дороге? – Роберт, как ребёнок, хлопал через трубочку в бумажном стакане фастфуда.

– Да, – устало кивнул головой Виктор.

– Парни, кто был на дежурстве, ездили туда. – Роберт приблизился к лобовому стеклу. Он всегда так делал, когда на дороге возникала потенциальная аварийная ситуация (как будто лишение пятнадцати сантиметров что-то меняло). И проскочив, успокаивался, откидываясь назад и продолжая диалог.

– Говорят, там такая каша была. Бронса рвало. Кэпа (капитана) на место вызвали, он не спал всю ночь. По отделу до сих пор бродит «приведение» с красными выпученными глазами с двумя стаканами в руках – в одном кофе, в другом чистый джин.

– Угу, – Виктор не знал, что говорить в такие моменты, – мычал что-то невразумительное или вообще молчал.

– Там ты вряд ли помог бы, – не унимался Роберт, – несмотря на все твои способности.

– Ему никто не помог бы! – Резко вспыхнул Виктор.

– Ты что-то знаешь? – Роберт даже притормозил на съезде и поехал только после оглушительного сигнала водителя грузовика,двигающегося сзади.

Он остановился на обочине, включив аварийные сигналы. Развернулся к спутнику.

– Нет! – плотно сжал губы Виктор, отворачиваясь от пронзительного взгляда коллеги.

– Я, конечно, тебя уважаю, – сказал Роберт, снова разгоняя машину, выехал на дорогу и придал движению максимальное ускорение. – Но иногда мне кажется, что ты в чём-то замешан и только поэтому не договариваешь о своих уникальных способностях.

– Ты ошибаешься. – Виктор разглядывал унылые пейзажи за окном.

Он и сам бы не смог объяснить, почему некоторые отчаявшиеся гибли, даже находясь в шаговой от него доступности. И вряд ли стал рассказывать, сколько раз он останавливал решительных людей, которые бы не стали ждать диалога или монолога Виктора на выбранном ими месте для однозначно определённых действий. Сколько раз он нёсся «на всех парах» ночью или, закрыв архив, бежал по коридорам, объясняя какой-то ахинеей свою спешку коллегам. Он бежал, ехал, крался, полз к ним, перехватывая их на пути к опрометчивому шагу. Убеждал, аргументировал, умолял и применял силу, когда уже ничего не помогало. И дошедшие до предела отказывались от намеченного. Он знал, когда это произойдёт и где. И опережал их.

О случаях, подобных тому, о котором упомянул Роберт, он не знал. Ни до, ни конкретно в момент самого акта. Не знал он и почему это так тоже.

Машина резко затормозила, «вырывая» Виктора из размышлений. Он молча вышел. Очередное сборище. Неизменное присутствие коллег. Оцепление. Медики, уже «растянулись» спасатели, пчелиным роем жужжали журналисты. Кто-то шагнул ему навстречу.

– Вик, двенадцатый этаж. Будь осторожен, там. На этаже его мать с ума сходит. – Ведущий Виктора слегка похлопывал его по спине. – У неё истерика. Она уже двум нашим парням чуть глаза не выцарапала.

– Ребёнок?

– Ребёнок? Да там «конь» – два метра ростом!

Виктор уже слушал его в кабине лифта, развернувшись, в первый раз взглянув в глаза коллеге. В них усталость. Под ними тёмные круги.

– Давай, там парни на одиннадцатом встретят.

Двери закрылись. Лифт мягко поехал вверх. Виктор взглянул в отражение. Ужаснулся – его лицо с ещё более тёмными кругами под глазами, цвет кожи серо-зелёный, губы белые, словно не знающие крови. Покачал головой. И, отвлекшись, улыбнулся надписи на стене: «Не плюй на кнопки, козёл!» И услышал голоса. А среди них и её голос, торопящий, манящий.

Парень сидел на балконе и спокойно плевал вниз. Виктор, не слыша коллег, понял ситуацию сам – дверь закрыта, а парень под угрозой свершить акт не позволяет ломать её. Виктор свернул в соседнюю комнату, отодвинул в сторону медиков, забрался на окно, сел на подоконник.

– Привет.

Никакой ответной реакции. Внутренне он называл их почему-то «аутистами». Он их не любил – они спокойны и не предсказуемы, не реагируют ни на что, ни на слова, и двое из таких «аутистов» без каких-либо разговоров сделали задуманное. Один чудом выжил – спасатели успели наполовину накачать батут. Второй взрослый мужчина, отделался сотрясением и переломами. Тех двоих Виктор лишь проводил глазами. Сейчас батут разложен, но деревья не дают его установить на необходимое, максимально близкое расстояние. Спасатели экстренно срезают мелкие из них, чтобы облегчить задачу с установкой. Виктор осмотрел лица толпы снизу в окнах соседних домов.

– Чего неприветливый такой? – Он оглядел действительно крупное тело парня, находящегося от него по диагонали, и лохматую рыжую голову. – Вон огненный какой, отсюда смотрю – как два солнца вижу, одно, конечно, гораздо выше....

Он осёкся – в его личных правилах было не упоминать высоту при тех, кто уже открыто примерил на себя роль жертвы.

– Вы же рыжие все счастливые, Бог наградил счастьем, осыпал вместе с веснушками.

Парень не реагировал, лишь чуть повернул голову, и то не к Виктору – ухом в сторону команды спасателей, полицейских, как обычно пытающихся быть бесшумными в своих действиях. И всё же он оживился, в его глазах появился блеск, непонимание и ... интерес.

Рыжий оглядывается и замечает в окне спальни своей матери невысокого, похожего на воробья человека. Тот что-то «щебечет», обращаясь либо к кому-то, либо просто разговаривая сам с собой.

«Но, кажется, он говорит обо мне и о моей жизни, затрагивая мои самые сокровенные чувства и переживания. Неужели он озвучил мою мысль? Я же не говорил вслух, что лучше было бы приземлиться на внедорожник Тэда! Сосед вечно жалуется, что не хватает денег и времени на покраску машины, так вот и занялся бы... Эти там всё ещё не могут успокоиться! Да не откроете вы балкон! Только я знаю, как это сделать. Неужели пора?»

Однако назойливый «воробей» продолжает щебетать, глядя куда-то вдаль.

«То ли на окна соседнего дома справа? Но до них далеко. Да он болен! Откуда он взялся здесь, этот человек? Откуда он знает о наших проектах? Это же только наша с Михелем идея, и она только на бумаге, не в одном из компьютеров. Михель? Вряд ли, ведь его параноидальное недоверие к сети и вездесущим взломщикам систем стало причиной того, что все важные документы хранились на бумаге. Михель – нет. Я? Я ни словом ни с кем не делился. О чём он там говорит?..»

Парень усаживается удобнее, чтобы не соскользнуть вниз.

– ... конечно, проект сырой, – не унимается «смешной воробушек», – но уже через год, максимум два, – удачный и своевременный start-up, в группе, в составе двух-трёх IT-шников, можно развить в двух направлениях, эта работа... – человек смотрит отрешённо, словно в пустоту, – да-да, правильно. Это откроет новые горизонты в таких значимых отраслях, как машиностроение и космические разработки... даже в NASA, могли бы...

«Пойти встряхнуть этого зарвавшегося воробья! Откуда он знает о второй части работы? Да вообще откуда?!»

И, взглянув на такое же, как его собственная голова, рыжее солнце, он слезает с балкона и, открыв дверь плечом и локтем, отталкивает в сторону ошалевших от неожиданности людей и разминая руки идёт в спальню матери.

– Как ты? – глаза Роберта светились, на лице улыбка, в голосе сочувствие.

Виктора же голова гудела. Он хоть и отходил в школу бокса в детстве четыре года и даже неоднократно выступал на юниорах в лёгком весе, но он откровенно не ожидал такой реакции и действий от «рыжего тугодума».

«Хотя какой он тугодум, если в таком возрасте способен делать гениальные открытия? Пусть не один разрабатывал. Пусть не до конца додумано. Но каков потенциал?»

– ... Синяки точно будут. – Роб протянул холодную банку фанты.

Пакет льда, данный медиками, превратился в воду.

– Да, досталось тебе. Ухо как?

– Да вроде слышу. ... – Ухо горело, словно ошпаренное.

– Капитан звонил, приказал везти тебя домой, отлёживаться дня три минимум. ... – И Роберт вдруг рассмеялся громко, – «Кэп» говорит, ты один за весь наш отдел отдуваешься. По всем остальным показателям у нас завал. ... а мне кажется, просто ему нравится быть медийной личностью, которую ты из него делаешь. ...

Виктор слушал его не вникая.

Психолог смешно тряс ногами, сидя в кресле. Его толстые ляжки, одетые в шорты, двигались так активно, что, казалось, не имели никакого отношения к тучному неподвижному телу и лысой голове. Толстые губы и большой нос – два куска пластилина, прилепленные к шару для боулинга. И хитрые лисьи глаза за стёклами очков в роговой оправе.

– Ну что, Виктор, рассказывай о своих достижениях. – Голос, правда, у него был грудной, материнский, заботливый. – Опять, я слышал, отличился?

«Как вообще ему доверили эту работу? Он же лицензию и степень наверняка купил в интернете, где, скорее всего, и подрабатывал до этого. ...»

И Виктор представил потеющего толстяка возле монитора, продающего через сеть контрафактный товар.

– ... По твоей жизни хоть книгу пиши. – Донесли «профессиональные» заключения эксперта человеческого сознания. – Что ни день, то шедевр.

Само присутствие в кабинете этой карикатуры на психолога и беседы «ни о чём» странным образом положительно влияли на эмоциональное состояние – жизнь Виктора. Эффект плацебо. Но сегодня он почему-то не выдержал:

– Это зависть?

– Чему? – Удивление исказило лицо сидящего напротив.

– Моей очередной победе – виктории....

– Твоей Виктории вряд ли кто позавидует. ... – Теперь тряслись уже не только жирные ляжки психолога – он весь ходил ходуном, как холодец от смеха. – Она ведь. ... Она ведь. ... Она. ...

И он, открыв рот, покраснев, замер, перестал дышать, вена на лбу раздулась, только руки тряслись в конвульсиях, как лапы моржа. Психолог подавился одной из конфет, что лежали в вазе для клиентов. Его глаза молили Виктора о помощи. Интересная деталь удивила его в этот экстремальный момент: нос психолога остался верен создателю – он не покраснел со всем остальным лицом.

Виктор тоже взял леденец из вазы и абстрагировался от дергающегося в агонии тела. Он мог бы помочь в ответ на перманентную помощь психолога его задушевными беседами.

– А почему? – Виктор удивился, спрашивая вслух. – Он не тот кто обычно, нуждается в моей помощи. Жертва собственных абсурдных выводов и иллюзий.... Насмешек. – Он подождал ответа от кого-то эфемерного и, не дождавшись, поднялся с дивана.

Он остановился возле двери, задержал взгляд на тучном теле, покоящемся в кресле за столом, и произнёс чётко, проговаривая каждое слово, словно диктуя текст аудитории:

– Я жду вас через неделю, в то же время, не опаздывайте. ... – И, бросив взгляд на рисунок паркета, который ему всегда нравился, покинул кабинет.

Виктор в этот день не смог дозвониться до своего психолога утром и поэтому решил обратиться к штатному специалисту департамента. Причиной его беспокойства стало преследование, связанное с несостоявшимся действием отчаявшегося человека, произошедшим два года назад.

Он вспомнил, как стоял на расстоянии от раскрытой шахты лифта и смотрел на человека с бегающими глазами, который готов был броситься в тёмный проём при малейшем движении. Виктор слушал «Викторию» – её, стоящую рядом с жертвой и видимую только ему. Это стало своеобразной традицией в спасении людей, решившихся на подобное. Никто другой не мог видеть призрак его любимой, ушедшей так рано и нелепо.

Виктор отговорил молодого человека от рокового шага, используя факты из его прошлого, настоящего и будущего. Она – Виктория, быстро обрисовала вероятные ситуации в жизни близких людей жертвы в случае трагического исхода. Выслушав призрак, Виктор шепотом, чтобы избежать утечки информации, описал молодому человеку жизненные перспективы его родственников. На что молодой человек, поправив уродливый галстук и два раза плюнув в глубину шахты лифта, лишь спросил:

– Ка-а-а-к это возможно?

Виктор озвучил, как такое возможно, не уточняя источник информации, чтобы не быть признанным сумасшедшим и не потерять доверие. Но несостоявшуюся жертву это и не интересовало. Впоследствии он не открыл тему диалога с Виктором, видимо, по причине её ценности или ввиду ещё какой-то причины.

Ни разу ни одна из отговорённых жертв не делилась секретами их «откровенных бесед» ни с прессой, ни с психологами, никому, с каким бы пристрастием ни была опрошена. Часть информации обычно была неприятной, а другая часть – о будущем могла бы вызвать более пристальное внимание специалистов по психике, и без того назойливых к несостоявшимся «жертвам».

Тем не менее, молодой человек, не шагнувший когда-то в шахту лифта, пришёл к Виктору за разъяснениями о расхождении в «запланированном» течении жизни. Виктор и сам уже не помнил, что он наговорил с подачи «галлюцинации-призрака» своей бывшей девушки.

Но молодой человек помнил. Призрак Виктории, такой всегда информативный, теперь не появился в качестве «подсказки», и Виктору пришлось отдуваться одному. Несостоявшийся «прыгун» набрал массу за два года и уже не был похож на того, тщедушного и потерянного человека, способного только на шаг в пустоту. Требуя ответов, он подкреплял вопросы жёсткими ударами по корпусу Виктора. Вместо ответов из которого доносились лишь едва сдерживаемые стоны. А призрак Виктории, его спасительной Виктории, по-прежнему не появлялся.

Став уже хорошо отбитым куском мяса, таким – готовым для жарки «шницелем», он был подвергнут допросу с пристрастием. Оказалось, что всё, что «напророчил» Виктор, сбылось с точностью до наоборот. Та деструкция в жизни близких людей молодого человека, которая была обещана при фатальном исходе в момент шага отчаяния, сбылась при отказе от него.

Виктор всё это понял из монолога «несостоявшейся в прошлом жертвы» в моменты пропусков хорошо поставленных ударов. Кроме того, молодой и активный человек считал и вполне обоснованно, что Виктор имеет непосредственное отношение ко всему происходящему в его жизни. И это было тяжело опровергнуть. Ведь именно Виктор озвучил этот «сценарий», пусть немного в другом формате. Невнятные ответы Виктора привели «собеседника» к мысли, что «шницель» не совсем готов к жарке, и он продолжил его отбивать, но вдруг неожиданно расплакался в разорванную рубашку Виктора. И, стыдясь, заявил, что разговор не окончен и они к нему вернуться. Когда именно, Виктор не стал уточнять. Придя домой, он вытащил, кроме льда из морозилки, все имеющееся в ней продукты и обложил ими травмированные места тела.

Он взял выходной. Но уже под утро к нему ломился в дверь Роберт.

– Что с телефоном? – Он тяжело дышал, видимо, лифт не работал в подъезде, – поехали! Там... какой-то важной шишки... дочь... она на грани, а все кто видит её и слышит на взводе! «Кэп» визжал, как хряк на скотобойне, разыскивая тебя... – Роб по-хозяйски достал упаковку энергетических напитков. – Так что с телефоном? – Он застыл, разглядывая удивлённо Виктора. – Ну ты чего стоишь-то? Пошли, пошли! – Он вытолкнул коллегу на площадку, доставляя тому острую боль в теле – кажется, сломано ребро. – Ну и вид у тебя! Ты что пил, что ли?

Двери лифта. Вопросительный взгляд Роберта.

– Да нет, с сонниками перебрал, не уснуть было...

– А-а-а, – с пониманием кивнул спутник, звучно открыв банку. – Тогда ясно.

Двор. По-зимнему уже холодный воздух. При движении болевые ощущения в теле усиливались. Две капсулы болеутоляющих не помогали. Может, пока? Голова гудела. Энергетик не давал нужного эффекта. Виктор абсолютно не был готов к работе.

«Ещё и крыша... Там нельзя быть неповоротливым... Может произойти всё что угодно... Нужно ведь быть быстрым и динамичным... как?».

– Тут нельзя промахнуться, понимаешь? Она там не в себе... Орёт что-то... Может, и обожралась чего-то запретного... – Роберт одной рукой раскручивал руль, входя в поворот, даже глядя на это голова Виктора шла кругом. – Отца своего грязью поливает с ног до головы.

Виктор корчился на заднем сидении от боли и больше всего хотел, чтобы его оставили в покое, не трогали, забыли в машине, потеряли хотя бы на время. Ему самому нужна помощь.

«Как они не понимают!»

Но никто его не забыл. Напротив – его встречали как спасителя, благо ещё не было толпы зевак. Но то, что журналисты не появятся, – не факт. Кто-то из департамента очень своевременно сливал им информацию. Поговаривали, что за круглую сумму. Подумывали на капитана. Ведь он самая яркая «телезвезда».

Но в этом случае и ему не нужна огласка. Ведь здесь, прямо по месту могут и ромбы с погон слететь в случае неудачи переговоров. Тут не до гламура. Виктора буквально внесли на последний этаж по металлическим заводским лестницам и вытолкнули на крышу. Пока его

вели, он слышал перечень позитивных перспектив в случае успеха и наоборот – расписанные в чёрных тонах тоже имели место для всего их отдела и департамента в целом, если он – Виктор не справится.

«Почему, сука, всё ответственное всегда происходит в самый неподходящий момент?»

Он сделал несколько шагов к отреагировавшей на его появление жутким криком модно одетой «оторве». Виктор несколько раз глубоко продышался и, качаясь, направился к ней мимо мнущихся «в незнании» коллег. Девушка тем временем умолкла. Он про себя отметил в этом положительную динамику.

– О! Какой хорошенький! – услышал Виктор и понял, что обращаются к нему. – Тебя мой папочка вытащил из какого притона? – Девчонка откровенно смеялась над ним. – Слушай, ты под чем-то? Под тяжёлым, что ли?

Но он не ответил. Он увидел её – «Викторию». Она спокойно стояла, опершись плечом на вентиляционную трубу. И он сорвался, закричал на неё, требуя объяснений. Он использовал ненормативную лексику, не понимая, почему она, «Виктория», бросила его. Почему парень, которого он отговорил какое-то время назад, теперь переживает именно то, чего не должно было произойти?

«Виктория», надо отдать ей должное, держалась стойко. Она говорила о не идеальности самих отчаявшихся, потерявших интерес к жизни и дошедших до грани, об их путанице, о метафизике. Она оперировала цитатами, научными тезисами, выдержками из теорий о потустороннем. Виктор спорил с ней, забыв о рядом стоящей реальной девушке, находящейся в глубоком отчаянии.

Но она не забыла о нём. Такое невозможно. «Оторва» смотрела расширенными глазами на невменяемого человека, вступившего в полемику с пустотой. Но девчонка всё-таки забыла кое-что: зачем она сама здесь, под утро оказалась.

– Во даёт! – медленно произнесла она, глядя на жестикующего в споре Виктора, произвольно отходя от края крыши.

В этот момент решили действовать спасатели и оперативники, видимо, разглядев в нехарактерных для Виктора действиях спланированный отвлекающий манёвр.

«Да нет, всё началось с пассивных действий в момент смерти психолога. Или, может, со второй волны тех решившихся на отчаянный шаг, которые по тем или иным причинам не довели задуманное до конца...»

– Слышал? – Роберт был угрюм в этот день как никогда. – Что сотворила та деваха, которую ты спас в порту по весне?

– Да, слышал. —Виктор держал дрожащей рукой стаканчик с кофе и не мог начать пить. – Некоторые очень часто, не добившись своего, делают вторую попытку, даже третью, и так, пока не добьются своего.

– Жалко её. Такая хрупкая была. – Роб тяжело вздохнул и выдохнул. – На мою Мари похожа – такая же нескладная.

Вот причина подавленного состояния Роберта.

«Видал бы он эту хрупкую...» – она догнала Виктора в подъезде, когда он вечером возвращался из магазина. Как она кричала! Поносила его! Обвиняла во всём, что навалилось на их семью. Именно в таком стаканчике и принесла кислоту. За бумажной оболочкой и слоганом в стеклянной банке была кислота.

Всё-таки помогли тренировки. Он сделал шаг в сторону и уклон. Выплеснутая жидкость пролетела мимо, только несколько капель попали на его одежду.

«Будь ты проклят!» – разъярённая девушка плюнула в него и выбежала, услышав звук вызываемого лифта.

Большое, похожее на спрута пятно шипело, съедая покрытие из рейки на двери соседей – тихой пары, переехавшей из соседней страны.

– А Митчелл – наш плюшевый психолог, — Роберт оживился, забыв о схожести дочери с девушкой которую только что упомянул. – Сколько раз он перед сеансом предлагал мне эти леденцы? И сколько раз он циркачом закидывал их в рот, ловя на лету? – Он прыснул от смеха и тут же стал серьёзным, видимо, внутренне коря себя за это. – Какая нелепость...

– Мы куда сейчас? – Виктор сменил тему разговора, глядя на стаканчик с так и не отпи-
тым кофе, вспомнил трясущееся в конвульсиях тело психолога.

– На стройку. – Вздохнул тяжело Роберт, – там кран высотный.

– В такой снегопад? – Виктор, удивившись, поёжился, ставя кофе в подстаканник.

– Да уж, выбрали погоду. – Снова вздохнул его коллега с сочувствием. – Не сидится им дома...

За окном крупными хлопьями сыпал снег. Коробки недостроенных домов отражали свет мигалок. Это несколько оживляло пустое и унылое строительство микрорайона.

– Не по погоде ты как-то? – Роб протянул ему свои перчатки.

Кто-то накинул на него рабочую куртку со вставками из отражающего материала. Виктор взглянул вверх. Даже сквозь снег видно красное яркое пятно под самой кабиной крановщика.

Холод металла конструкции башни ощущался даже через перчатки. Мерзкий снег не давал поднять голову вверх, попадая в глаза.

«Ищущие смерть люди, как, впрочем, и она сама, не выбирают погоду.» – Взбираясь по лестнице, Виктор отправил эту мысль к Роберту, на его сетование в машине. И усмехнулся:

– Как своевременно-то, Виктор... – Он бросил взгляд вниз – из-за снега всё происходящее внизу казалось сюжетом из старого советских времён мультфильма.

«И не такие уж плохие леденцы были у толстяка. Мне вот нравились ананасовые...»

Он вздохнул полной грудью, вбирая лёгкими холодный бодрящий воздух, и пожалел, что так и не попил кофе – в районе затылка несколькими импульсами проявилась мигрень.

«Ну конечно, кто же это ещё мог быть... Да неужели?..»

Где-то полтора назад Виктор, в жесте полного взаимодоверия, протянув руку, забрал зажигалку у пропитанного бензином огромного человека, проигравшегося в казино «в пух и прах». Виктор обрисовал ему вполне радужную перспективу быстро сколотить капитал, если он поднимет свои старые связи – а именно товарищ по военной службе «любитель азартных игр» привлечёт к удачно развивающемуся бизнесу в качестве инвестора кузена – владельца «загибающегося» холдинга. Спустя полгода экономический спад в соседней стране – «сестре по бывшему соцлагерю» основному производителю сегментов для производства станков даст этому «альянсу» шанс перехватить заказ на изготовление электронных блоков к станкам и, соответственно, стремительный финансовый скачок человеку, собравшемуся «порадовать» толпу актом воспламенения.

«И всё снова будет хорошо. И жизнь наладится. И семья вернётся.» – Эти последние слова Виктора и заставили отдать зажигалку, задумавшуюся над услышанным потенциальную жертву.

Виктор не мог забыть ни яркую внешность гариллаобразного человека, ни его въедливые вопросы в отношении развития прибыльного бизнеса, который, конечно, во вполне перевариваемом виде доводился до них призрачной Викторией, видением зависшей между ними.

И вот теперь он стоял на скользкой металлической балке, держась одной рукой за диагональ конструкции, указательным пальцем второй руки тыкал в Виктора.

– Ты! – Он громко расхохотался. – Я знал, что именно тебя сюда притащат! Ну что, снова будешь сказки рассказывать?

Виктор смотрел ниже обращавшегося в гнев к нему человека, там, разместившись на длинном элементе стяжки, сидела она.

– Что? Что происходит? – Он, не отрываясь, смотрел на призрак, через который пролетали снежинки, задержавшись лишь на долю секунды, и меняли траекторию полёта. Словно это видение имело в себе что-то минимально материальное. – Что?!

Стоящий выше отчаявшийся человек спроецировал вопросы на себя, он, вновь расхохотавшись, отмахиваясь от порыва ветра со снегом, попавшим в лицо, заявил:

– Я тебе расскажу, что происходит! Они заграбастали все деньги себе, оставив меня ни с чем! – Он орал, а голос его тонул в водовороте снежных вихрей, – лучше я проиграл бы эти деньги! Да лучше бы я их вообще не зарабатывал с этими гадами, потратив столько времени и сил.

«Виктория», призрачная сущность, тоже смотрела на Виктора, ожидающего ответа. Она была прекрасна, не тронутая ни временем, ни ветром, ни вьюгой. Мимо неё, даже не шелухнувшейся, пролетел силуэт, а она всё так же смотрела Виктору в глаза, и, как ему показалось, с любовью.

– Ну что ты, Вик, держись! – перед его глазами мелькало лицо Роберта. В глазах коллеги читалась тревога, то ли от того, что он впервые так высоко забрался, то ли от переживаний за Виктора. Который после произошедшей трагедии не смог спуститься до конца вниз. Просто сел, ссутулившись, на первой от земли площадке. Из глаз текли слёзы, изо рта слюни, тело сотрясала лихорадочная дрожь.

– Она не сказала ничего! – кричал он в лицо Роберта, едва осознав, кто перед ним. – Понимаешь? Ничего! – Он понизил голос, замыкаясь в себе. – Она предала меня!

– Это шок, это шок, – чей-то спокойный голос объяснял состояние Виктора, пока они несли его, взяв под руки и держа за ноги. – Нервы не выдержали. Это шок. Всё пройдёт, – тот же голос отдал распоряжение. – Давайте сразу к нам в клинику.

Они тяжело сопели, неся его, стараясь не травмировать.

– Она... Зачем?! – Вырвалось из Виктора с хрипом.

– Это шок. Это шок...

– Виктория! – мокрый снег залепил глаза Виктор, и он провалился в темноту.

Очнулся он в палате. Несколько дней его пичкали таблетками и ставили капельницы. Он отпросился, умоляя их, выслушав конкретные наставления ушёл.

Больничная палата угнетала, но, вопреки ожиданиям, он и дома не нашёл покоя. Его дверь была буквально истерзана сталью. Судя по щепе и рванным краям деревянной мозаики, в ход шло разное оружие: от тонких узких лезвий до тяжёлых четырехгранных штыков начала прошлого века. Прямо под глазком зияло вырезанное слово – «Смерть».

В полуобморочном состоянии он, не переступая порога, отправился на кладбище. Вряд ли кому объяснил бы причину этого. К ней. К Виктории. Молить. Просить прощения.

Аккуратная могила, хоть давно и не убранная. Фото на граните. Смеющаяся девочка, в «застывшая» в юности. Где-то наверху долбит дятел. И в атмосфере присущий всем подобным местам вакуум священности. Ощущение присутствия всех захороненных здесь тел.

Он только собрался ступить на землю, на верхний слой её последнего пристанища. Поговорить. Узнать, чего она хочет. Почему молчит. Конечно, начать с извинений – попытаться объяснить, почему ни разу здесь не был. Он поправил прилегающий к ограде неказистый куст с сухими листьями, прихваченными ледяной коркой. Сделал глубокий вдох.

– Как ты посмел сюда прийти?! – донеслось до него откуда-то сбоку.

Виктор вздрогнул от неожиданности и огляделся в поисках источника крика. Отец Виктории застыл с протянутой в его сторону рукой. За ним чуть в стороне её мать с искажённым от гнева лицом. Он видел их доли секунд, постаревших, осунувшихся, сдавленных бременем жизни. И, конечно, давно случившимся, но не покидающим их горем. Но, видимо, это его вторжение в их скорбящую жизнь, осквернение её своим появлением придало им сил.

Левая рука опытного военного поднялась вверх, как призыв во время атаки. Правая потянулась к поясу через полу гражданского пальто.

Виктор не был военным – Роберт сдавал за него все нормативы в тире, но он понял, что это может значить. Он попятился, натыкаясь на ограды могил. Развернулся и побежал. Доли секунд, и раздалась выстрелы. Причём свист пуль он услышал раньше. Взлетели вороны, осыпая его снегом. Эхо следующих выстрелов летело навстречу. Раздалась крики. Всё перемешалось. Вместе с гулкими ударами сердца, которое словно сместилось в голову. Теперь его стук заглушал внешние звуки. Воздух не поступал в легкие. Он бежал пока не отказали ноги. Виктор упал в кусты, голые, но колючие.

«И тут началось, точно началось...»

Её отец обвинял его в попытке осквернения могилы – памяти его дочери. В тон ему вторила супруга военного, запретившая до этого посещать Виктору место захоронения её девочки. Каким образом бы Виктор мог осквернить могилу, он, Виктор, и сам не знал. Но обвиняющий был служащий в звании, с заслуженными наградами хоть и из другого ведомства. По словам Роберта, их капитан бился за Виктора как лев.

«Ещё бы... Он ведь не смог бы без попадания раз, а то и два в месяц на экраны телевизоров. Он же уже популярная личность... любимец домохозяек...» – Роберт под своим ракурсом смотрел на активность начальника.

Едва закончились все передраги с «осквернением могил», как свалилась новая беда. Кто-то из сотрудников видел Виктора выходящим из здания напротив, где находился кабинет штатного психолога департамента, в приблизительный момент смерти последнего. Записи с камер наблюдения подтвердили визит, который был запланирован на другой день. Подтвердил и Виктор. Нет, сотрудники внутренних расследований не могли доказать, что Виктор стал очевидцем «поедания фатального леденца», да, следов насильственной смерти не было, но тем не менее. Заключение, что он нервничает и не договаривает, усилили кем-то услышанные ранее неоднократные высказывания Виктора в адрес психолога о его профпригодности.

Но об этом говорили все!» – возмущался откровенно Роберт. – «И снова за тебя в бой бросился «Кэп», вернулся он потрёпанный, но победителем...»

Но кредит доверия неумолимо таял. Многие коллеги хоть и разделяли мнение Виктора о профессионализме отошедшего в мир иной «мозга права», но всех сотрудников вполне устраивала шаблонная беседа раз в месяц с положительными заключениями.

«А теперь придёт новый психолог и начнёт выворачивать сознание людей наизнанку...»

На Виктора смотрели с сомнениями. Даже с подозрениями.

Ко всему прочему пропал куда-то и личный психолог Виктора.

Тут даже «ситком» «Кэпа» пришлось «задвинуть» до лучших времён. Видимо, родственник, продвинувший их несвоевременно ушедшего штатного психолога на эту должность, оказывал давление на следствие. Очередные допросы и подозрения пагубно влияли на психическое состояние Виктора. Он вёл себя не адекватно и бросился во время допроса на одного из следователей. Его взяли под стражу. В одиночную камеру. Принесли выписанные ему антидепрессанты. Виктор несколько дней спал и разговаривал с мухами и неприличными, разоблачающими и обезличивающими надписями на стенах.

На третий день его разбудил его личный психолог, так внезапно и несвоевременно исчезнувший. Виктор понял, что всё – его сознание помутилось, и он видит очередного призрака.

– Виктор, извини, – вполне материальный его доктор тормошил пациента за плечо. – Чем они тебя тут пичкают? Ну... что за абсурд, уехал – оградился от всех на неделю, отключил телефон, – он тараторя заглядывал в глаза Виктора, светя фонариком, вздохнул удовлетворённо, – послал жену нафиг с её запросами и претензиями... уехал на юг Франции, всего то неделя... приезжаю – здесь такое! Ну давай, давай поднимайся...

Виктор боролся со своим «непослушным» телом.

-... слыша-слышал, всё знаю. Сейчас я им всыплю «по самое не хочу». – Всегда спокойный, умиротворённый, оперирующий профессиональными терминами, с правильной дикцией, сейчас он не помещался в сознание Виктора.

«Или может эти стены так влияют абсолютно на всех? Да и неизвестно, как там, на юге отрывался целую неделю этот вечно положительный интеллигентный человек...»

Виктор с тоской посмотрел в спину «уходящего и родного».

Днём он уже был на свободе. Следующим днём на приёме профессионального-всё-понимающего тактичного эксперта в психологии.

Тем не менее, психолог продолжал задавать вопросы, которые, казалось, угрожали сознанию клиента (по мнению самого клиента). Он начал со стрельбы на кладбище, затем перешёл к фатальному исходу на стройке и, наконец, с интересом остановился на приёме своего коллеги. Под конец он «вынудил» Виктора рассказать о реальных покушениях на его жизнь.

– Ну, это как раз не удивительно... Люди склонны перекладывать свои проблемы и жизненные неудачи на плечи других...

Психолог поудобнее устроился в кресле и снова взглянул на Виктора. Теперь, с его манерой вести беседу и интонацией в голосе, он напоминал почему-то того, штатного, своего коллегу, который нелепо подавился конфетой.

-... Странно другое: как они тебя находят? Откуда они знают твой адрес? Ведь это, если я правильно понимаю, не общедоступная информация. Скорее наоборот...

Виктор впервые задумался об этом – молодой человек избивший его поймал в парке, а истеричка с кислотой – поджидала на лестничной площадке дома. Это не могло быть совпадением.

Однако, несмотря на схожесть психолога с другим персонажем его жизни и его новую необычную манеру работы, в конце сеанса Виктор почувствовал странное успокоение. Психолог, как специалист по темным уголкам сознания и душевным мукам, буквально в нескольких фразах «разложил всё по полкам», убеждая Виктора, что всё отлично, налицо лишь стечение обстоятельств и небольшая нервозность, связанная со спецификой сферы деятельности Виктора. Он даже ни разу не вернулся к трагедии из жизни клиента и рекомендовал ни в коем случае не увеличивать дозу лекарств.

Виктор почувствовал прилив сил и буквально воспарил, забыв о всех своих жизненных коллизиях. Вернувшись домой, он занялся делом – склеиванием модели американского авианосца из тысячи деталей.

Но уже вечером в его дверь постучались коллеги – Роб и капитан. «Звезда телевидения» явно теряла рейтинг популярности, и «Кэп» с удовлетворением смотрел на изменившегося в лучшую сторону за пару дней подчинённого. В конце оценки он мечтательно взглянул в окно, словно там была не серая ноябрьская погода, а красная ковровая дорожка и ожидающая его статуэтка – ну не «Оскар», так «Эмми» как минимум.

Виктор, в отличие от коллег, не был рад визиту, но терпеливо выдержал их чаепитие. Он вежливо отказался от продолжения в более горячем месте с горячительными напитками и танцующими жгучими представительницами противоположного пола.

Коллеги ушли, и Виктор снова обратился к авианосцу. Но работа не клеилась, причём в прямом смысле слова. Он порылся в интернете и нашёл опровержение на ранее опубликованное заявление об участии его, как сотрудника департамента полиции в нескольких преступлениях.

С тяжелым чувством внутри он вышел прогуляться. Не увидев странных пугающих личностей и крадущихся теней, он вдоволь наслаждался прогулкой, получив заряд положительных эмоций. Но омрачило его состояние патрульная машина возле подъезда.

«Ну теперь-то что, сука?»

Бауэр, служащий их департамента, выбрался с переднего сиденья и направился навстречу Виктору.

– Я за тобой...

– Что случилось?

– У нас потенциальная жертва. Прямо перед полицейским участком с канистрой бензина, требует именно тебя...

– Но я не...

– Поехали, Вик! Там уже целая толпа журналигов и блогеров, – Бауэр сплюнул в сторону, – как будто специально всех заранее собрал... И почему всё подобное всегда происходит в моё дежурство?

Виктор с тоской взглянул на свои окна, на слабый свет оставленной включённой настольной лампы. Он вспомнил корпус недостроенной модели судна запах заваренного чая с имбирём, который хотел выпить по приходу. И хмыкнув, сел в неудобную патрульную машину.

Его недавние гости уже были на месте. Китель «Кэпа», как и форменное пальто с меховым воротником, были распахнуты. Глаза обоих блуждали, не имея возможности сосредоточиться на ком-либо. Несмотря на серьёзность ситуации, Роберт не сдерживал смех. Капитан периодически обрывал его идиотским «Тсс-с!», что только веселило собравшуюся за оцеплением толпу.

Ну и само собой, в центре внимания переживший кризис среднего возраста человек, оставшийся без жены и детей, ушедших к другому. Неудачную попытку крайнего шага – первую и... Виктор вспомнил на ходу – и вторую. Он стоял рядом с полупустой канистрой в свете мигалок и вспышек камер журналистов, мокрый, зловеще улыбаясь, указывал на приближающегося Виктора в жесте человека, указывающего однозначное направление. В его второй руке белела зажигалка.

– Ты, ты причина всех моих бед! – Удовлетворённо проговорил он, – именно из-за тебя я не сделал это дважды. И жизнь с того момента только ухудшилась!

Защелкали, замелькали вспышки щёлкающих камер.

«Виктория» вышла из-за спины говорящего, похлопала его по плечу так, словно наставник, подбадривая новичка, призывал к продолжению выступления.

– Да, – внезапно заговорил сам Виктор, – я, остановив дважды, спас тебя. Я дважды дал тебе шанс, – он с каждым словом повышал голос, – но ты не смог правильно воспользоваться ими. Ты просто слабак! Ведь...

Послышался гул толпы. Мужчина оцепенел от удивления, и «Виктория», стоящая с ним рядом, приподняла брови, проявляя интерес к такому развороту событий. Где-то хохотнул Роберт. Донёлся следом отрывистый приказ капитана.

–... Тебя хватает только на трусливый поступок: избежать трудностей и поставить точку. Ты слабак. Да, да, слабак.

– Нет! – Почему-то очень спокойно ответил мужчина, помотав головой, разбрызгивая с волос капли, – я больше не поведусь на твои изошрённые сказки. Хватит с меня... Но и ты тоже вряд ли помешаешь кому-то доделать задуманное!

Щелчок зажигалки – и фигуру охватило режущее пламя. Раздался истошный крик, но человек застыл, даже не пытаясь сбить огонь. «Виктория», стоящая рядом, шагнула в полыхающее пламя. Ударившая струя из брандспойта свалила тело на брусчатку: обугленное тело ещё содрогалось в конвульсиях под шипение испаряющейся воды. Толпа замерла в оцепенении.

Тишину разорвали запоздалые женские крики, и люди в ужасе отхлынули назад, не в силах оторвать глаз от дымящихся останков.

Виктора оттолкнули в сторону. Он не видел финала. Но знал, что человек умер от болевого шока.

«Да нет, всё началось именно после этого!»

По городу прокатилась волна новых трагедий, затронув и его окраины. Виктора сначала вызывали на места предполагаемых и реальных случаев, но, осознав его полную беспомощность, даже перестали звонить. Он оказался в изоляции в архиве, словно забытый и никому не нужный, как старые дела, которые по непонятным причинам ещё не были перенесены в общую базу данных.

На стенах его подъезда появились оскорбительные надписи. Когда он шёл домой, в него кидали камни, а знакомые и родственники жертв плевали в лицо. Он не жаловался коллегам и психологу, принимая всё как должное.

«Вот они, настоящие «триумф, виктория» ...» – думал он, глядя на улицу сквозь щели в занавесках, где мелькали странные тени, и вздрагивая каждый раз от слишком громкого звука в подъезде.

Освобождение пришло в виде «рыжего солнца». Парень стоял на парковке, замыкавшей тропинку в парке, по которой Виктор обычно возвращался домой.

– А-а-а.. – протянул он, не пугаясь и удивляя этим самого себя, – будешь проклинать и бить?

– Нет... – ответил парень с широкой улыбкой, да так заразительно, что Виктор тоже улыбнулся в ответ, легко вздохнув. Впервые за последнее время. Парень же крепко обнял его и потряс. – Я вижу, ты созрел, погнались!

Виктор даже не задумался: «Куда и зачем?» Он ощутил поддержку после того, как больше месяца был лишён нормального общения. Впервые за много лет он сел в машину на переднее пассажирское сиденье, наверное, чтобы быть ближе к улыбающемуся огромному рыжему парню.

Машина резко сорвалась с места, и её повело боком. Резкая игра рулём, выравнивание, несколько поворотов, арка – и они уже несутся по главной улице.

– Куда мы? – спросил Виктор, когда они промчались мимо указывающего им жестом полицейского.

– К ней, навстречу судьбе! – ответил парень, всё так же улыбаясь и невольно заставляя улыбаться своего пассажира.

Несколько машин преследования неслись сзади. Слышны были вой сирен и приказы остановиться. В их машине было светло от синего и красного света мигалок, идущих сзади.

Виктор, находясь в прострации, не замечал проносящихся мимо пешеходов, светофоров, деревьев и прижимающихся к обочинам автомобилей. Он смотрел вперёд, на пунктир и светящиеся линии разметки, которые всегда его завораживали ещё с детства.

– Ты говорил, я счастливый, я запомнил! – это ставший инициатором безумной гонки человек кричал Виктору уже в самое ухо.

И рыжий парень резко крутанул руль вправо. Часть ограждения начинающегося моста, сорванная с креплений, прыгнула вверх, и их машина, наполняясь битым стеклом и резкими звуками, летела навстречу дорожке променада, освещённой фонарями. Блеснула широкой лентой река, отражая прибрежные городские огни.

«Хорошо, что нет никого...» – мелькнула успокаивающая мысль в голове Виктора.

Удар. Кувырок. Ещё кувырок. Но странно – полное отсутствие боли...

Кто-то помог ему выбраться, подняться и встать на ноги. И потянул за руку. Виктор бежал, понимая, что по законам жанра должен раздаться взрыв. Но его не было. И они остановились, развернулись, глядя на искореженное тело автомобиля. На бегущих к нему людей. И тут он увидел свой яркий пуховик. Там в машине.

– Но... – вырвалось из Виктора.

И тут он повернулся к спутнику. Но это был не парень с огненной рыжей головой. Это была она – «Виктория». Она смотрела влюблённо в его глаза. Так, как и когда-то уже давно, этот красноречивый взгляд всегда говорил больше, чем её слова, обращённые к нему.

«Так вот только теперь всё и началось!»

Он схватил её за руки и поцеловал. Касания тел и губ были так реалистичны, что он ощутил возбуждение и зажмурился от удовольствия. Она выскользнула из его объятий, несмотря на его усилия. И только всего раз оглянувшись, медленно удалялась по дорожке променада.

Он кричал. Он умолял. Просил не бросать его.

Мимо бежали люди к уже образовавшейся толпе возле места падения автомобиля. Там суета. Промчались машины с мигалками.

Виктория снова обернулась, виновато улыбнулась и скрылась в сумерках. Но он услышал её:

– Помоги ему. Только ты сможешь. Прости...

«Да нет, началось всё точно через полгода после этой аварии...»

Виктор тогда лично видел, как спасатели вынули, разрезав металл машины, его зажатое внутри тело. Как медики, констатировав смерть, накрыли его тканью и увезли.

Но сам Виктор поехал в реанимационном автомобиле с рыжим парнем и смотрел, как врачи боролись за его жизнь. Недолго он побыл рядом, пока тот был в искусственной коме. Посетил собственные похороны с минимальным количеством провожающих.

Бродил неприкаянный по городским паркам и достопримечательностям, где любил бывать один и вместе с ней. С Викторией. Пока в какой-то момент не понял, что кто-то остро нуждается в нём. И он побежал.

Это был мост. Стремительный поток воды под ним шумел, оббегая его опоры. Две девушки стояли, взявшись за руки, держась свободными за ограждение. Готовые на всё. И вот тогда он увидел его – как взошедшее солнце из-за ограждения, увеличиваясь при приближении. Он смотрел на Виктора, а не на истерично кричащих что-то девочек.

– Ты? – Услышал Виктор удивлённое.

Удивилась и притихшая пара девочек. Они смотрели с недоумением на «рыжеголового детину», стоящего рядом и не обращающего на них должного внимания.

И тут Виктор затараторил, поражаясь собственным «знаниям» о том, что произойдёт, если девочки всё-таки решаться на этот шаг. Как родители будут годами сидеть возле их, зависших между жизнью и смертью, тел. Так как они не погибнут. И к каким негативным последствиям всё это приведёт.

Рыжий счастливчик сразу всё понял и, облокотившись на ограду, заговорил с ними, в жесте открытой ладони сдерживая полицейских и спасателей.

Он убедил их. Девочек, дрожащих от напряжения, подхватили спасатели, а затем и медики.

И был такой же, как «Кэп», но не «Кэп» – который красовался в свете вспышек камер фотографов, с надменным видом отвечая на вопросы репортёров.

Корабли и капитаны

– Ты сошёл с ума! – Мать, словно разъярённая тигрица, обрушивала свой гнев на суемящегося отца, который собирался в путь. – Конец октября – не самое подходящее время для морских прогулок.

– Там... – отец, кряхтя, оглядел своих близких и, поняв, что помощи не будет, потащил два больших чемодана к выходу. Уже из коридора он повысил голос: – Там сейчас двадцать четыре градуса тепла, как, впрочем, и круглый год.

Марк, отгородившись от суеты и пререканий родителей, смотрел на капли дождя, текущие по окну. Его охватила полная апатия к происходящему и к жизни в целом. Отрешённость заполняла его душу.

– Ты забыл? – Надя, миниатюрная, по-спортивно подтянутая и активно жестикулирующая, перехватила отца у входной двери. – Какое море, какая яхта? У мальчика травма после того, как он чуть не утонул в детстве, заглёбывался, и его едва спасли!

– Нет, не забыл! – Отец вырвался из рук матери. – Однако это не помешало ему полгода назад забраться со своей подружкой в ванну и... Хорошо, что тогда электричество отключилось. Иначе твой фен для укладки... – он не договорил, затем взмахнул рукой в жесте, – И какой мальчик! Ему уже шестнадцать лет!

– Где ванна и где море? – Надя понизила голос, спускаясь с отцом по лестнице. – И почему такая спешка, в конце концов?

– Я встретил психолога, работающего с тем самым парнем, который отговорил Марка и Натали в первый раз на телевышке, – понизил голос и отец.

– Ну?!

Отец, взглянув наверх, перешёл на шёпот:

– Оказывается, во второй раз именно он отключил щиток в подъезде в самый последний момент, и именно он их спас. Всё это парень рассказал во время сеанса под гипнозом.

– Ах! – Рука Нади прижалась к груди в районе сердца.

– Но не это страшно! – Отец, поставив чемоданы, прижал её к себе, поцеловал в висок и прошептал на самое ухо: – По городу прокатилась новая волна повторных случаев, и кривая фатальных исходов резко скакнула вверх. Он снова посмотрел наверх, словно там был пик этой кривой. – Ни на минуту нельзя оставлять его одного, ни на минуту!

– Бегу! – Спohватившись, засуетилась Надя. – Но может, хотя бы не море?

– Хорошо, океан! – Отец снова подхватил чемоданы. – Там будет пять-шесть членов команды. И я!

– И я!

Только теперь он развернул своё обеспокоенное лицо к застывшей в подъёме на лестнице женщине.

– И ты! – По глазам её мужчины было видно, что это меньшее из всего, чего бы он хотел.

Но он любил их обоих, и, если уедут вдвоём с сыном, не ровен час Надя от тоски и разлуки сама залезет в петлю. Условно, конечно. Но он выразительно указал жене головой вверх.

Та всё поняла и побежала вверх к Марку.

– Ни на минуту одного, ни на минуту... – она поднималась с лёгкостью спортсменки, – или эти минуты могут стать минутой славы... Тьфу! – Она трижды сплюнула через плечо, не понимая, почему из неё это вырывалось. – Что за окоlesiца?

– Яхта?... – усмехнулся пренебрежительно Марк.

Они вышли из прокатной машины и оказались на причале перед парой десятков судов разных размеров. Дорогие катера и яхты, двух- и трёхпалубные...

В понимании Марка «яхта» – это несущееся по волнам судно с раздутыми парусами. И что бы там ни говорила мать, Марк, несмотря ни на что, любил море и всё, что с ним связано. Клуб юных моряков, компания серфингистов – на всём этом ставила жирный крест Надя, напоминая о едва не случившейся с ним драме в детстве. Отец только послушно кивал, соглашаясь с аргументами матери – редкий случай, когда он не перечил ей.

Ограничились судомодельным кружком. Он понял: пока отец и мать рядом, моря не видать.

«Тогда, когда исполнится восемнадцать, я всё сделаю, чтобы попасть на морскую службу или поступлю в морское офицерское училище.» – размышлял он.

Попытка их с Натали отчаянного поступка была частью протеста против давления родителей. Глупого, до конца не осознанного шага. Идея пришла к ним после такого же глупого стечения обстоятельств. На телевизшке они и не пытались играть со смертью. Марк хотел показать своей девушке город с высоты. Но ажиотаж, связанный с трагедиями среди молодёжи, заставил взрослых по-другому посмотреть на двух подростков «залипших» на вышке.

Общение с не вполне вменяемым переговорщиком их даже позабавило. Но хаос среди работников департамента полиции, спасателей и медиков подтолкнул юную пару к мысли, что так можно привлечь к себе внимание и попытаться манипулировать родителями. И через год к «ванной» они уже пришли обдуманно и целенаправленно, как им показалось, не отдавая отчёта в том, кому нужны будут эти манипуляции в случае фатального исхода.

Именно после «ванной» родители юной пары при согласии обеих сторон разлучили Марка и Натали. Что, на удивление, прошло безболезненно для самих детей. Словно они только этого и ждали.

«Можно же было просто расстаться...», – размышлял Марк, с равнодушием перелистывая совместные фотографии на страницах социальных сетей. – «К чему весь этот пафос?»

И вот когда паника овладела главой семьи, он разумно вспомнил о давней мечте сына, зная, что последний не будет апеллировать и это станет самым весомым аргументом в пользу, чтобы покинуть город. Другие варианты Марк, скорее всего, отклонил бы. У него завязывались новые отношения с милой и вполне адекватной девочкой. А море – это всё-таки море, и ждать на берегу – это стезя жён моряков.

– Пусть привыкает, – сказал отец, глядя Марку в глаза. – Заодно и проверишь её и её чувства на прочность.

– А почему мы тогда берём маму с собой? – Перед отъездом возле дома спросил Марк.

– Знаешь, сын, в некоторых правилах есть исключения... – и они обернулись на голос Нади, которая с наставлениями выговаривала что-то соседу, чрезмерно активно жестикулируя рукой. – Ну и... – отец болезненно поморщил лоб, – ты попробуй её оставить. Она же все усилия приложит, чтобы под нами море высохло...

– Конечно, яхта, – отец смотрел на зафрахтованное судно. – Со своей командой и со своим уставом, который я тебе не рекомендую нарушать, – отец передал чемоданы двум молодым людям в одинаковой форме, кивком позвал зевающую мать и подтолкнул Марка к трапу. – Ах да... сын, скинь гео точку на телефон диспетчера прокатной фирмы. Он написан на двери.

– Зачем? – Удивился Марк. – Они же все чипованные. Сами найдут.

– Скинь! Я обещал. А это слово, и нужно держать его даже в мелочах...

Надя многозначительно прокашлялась, видимо, давая понять отцу, что он не всегда держит слово.

Команда яхты, состоящая из крепких и, на взгляд Марка, немного перекачанных парней, а также молодой женщины, встретила их на палубе.

– Это так непросто – для своей души найти остров..., Наверное, моя прабабушка когда-то так же спешно покидала Россию... – проговорила Надя, глядя на удаляющийся берег. Ей не нравилась вибрация от небольшой волны.

– Ты что, мать? – Её мужчина, переодевшись, разгуливал по-хозяйски, осматривая судно. – Ты при людях так нигде не скажи! Во-первых, в тебе голубых кровей ноль, и к белоэмигрантам ты никакого отношения не имеешь.

– Да? – вполне искренне удивилась Надя.

– А во-вторых, Татьяну Викторовну, твою прабабушку, героически вступившую первой из села в комсомол, мы вместе с тобой возили в санаторий, когда приезжали с очередным визитом в Россию. Это я хорошо помню. И, к сожалению, уже похоронили, и тоже вместе, на кладбище рядом с её не менее героическим мужем, на вполне для них родной земле. Так что...

– Зато как звучат мои слова красиво в момент отплытия.

– Это да, – вне всякого сомнения, – и он, оглядывая экстерьер яхты, продолжил ознакомление с судном.

Надя с тоской посмотрела на полуостров, окрашенный кровавым цветом заходящего за горизонт солнца. Угловатый контур горного ландшафта, алые в свете заката обычно белые постройки, разбросанные беспорядочно на небольшом куске земли – дома, вилы и обособленно стоящую церковь с вытянутым и тонким, как игла, шпилем, чей венец блеснул на прощанье.

– Ну ты доволен? – спросила она подошедшего к ней сына. Чьи глаза вместо ответа искрились жизнью, наверное, впервые за пару лет.

– Ещё бы! – За сына ответил отец, поднявшийся уже с нижней палубы с напитками в руках. – Настоящее приключение.

– Мальчики! – Серьёзным голосом Надя заложила в предупреждение все возможные развития событий, достала из холодильника банку лёгкого пива, качнулась на ногах и пояснила: – это от морской болезни.

– Ага. Но смотри, мать, море не любит пьяных, – отец подмигнул Марку, – а женщина на корабле – так вообще к беде.

– Тьфу на тебя. – И Надя трижды плюнула в сторону мужа под общий смех.

Она хоть и интегрировалась в городскую жизнь, а затем и в европейскую, но родившаяся и проведшая юность в селе радовала своих близких в моменты эмоциональных волнений проявлениями своего настоящего «Я». Будь то высказывание или поступок.

– И у них женщина в команде. – Кутаясь в ветровку, аргументировала Надя.

Она вместе со всеми смотрела на проходящий мимо светящийся прогулочный лайнер, кто-то из пассажиров которого махал им руками. Вся семья приветливо ответила им.

– Она хозяйка и капитан. – Отец похлопал по плечу Марка, смотрящему вслед более крупному судну. – Это исключение.

– А я у вас кто? – Мать быстро захмелела от лёгкого напитка и свежего морского воздуха. – Тоже – хозяйка и капитан! Разве нет?

Несмотря на изначальную «оседлую» жизнь домохозяйки европейского масштаба, Надя не научилась управлять домашними делами. Приготовление почему-то намеренно изысканных блюд давалось ей с тяжёлым трудом и часто, несмотря на её стремление, просто не получалось. Марк с отцом помнили, как неоднократно перекусывали в кафе, ужинали в ресторане или заказывали готовую пищу, когда ожидаемый в нетерпенье ужин под крики Нади летел в помойку. Или часто с утра в куче непоглаженного белья искали свои вещи. Поэтому она работала бухгалтером в компании со стабильным доходом по системе аутсорсинга благо ещё по молодости, после переезда преодолела быстро языковой барьер, а уборку дома часто выпол-

няли клининговые фирмы. В готовке последние два года ей помогала повар-кондитер, живущая по соседству, в свои выходные, которая утверждала, что у Нади есть потенциал. К чему Марк с отцом относились скептически.

И поэтому сейчас мужская часть протянула в один голос:

– О-о-о ... да, хозяйка и капитан.

Надя облила их пивом из вновь открытой банки.

Они снова семья – теперь Надя мысленно поблагодарила мужа за это морское путешествие, глядя на веселые лица «своих мальчиков».

Марк сдружился с командой, пытаясь применить на практике свои знания, но так как изучал морское дело по материалам «дедовских учебников» и найденных в интернете, больше относящимся к парусным судам, то применить их на двухгодичной трёхпалубной скоростной яхте не имелось возможности. Разве что навигация? Азы которой он тоже изучал, но на капитанский мостик не так просто было попасть. Их женщина-капитан, несмотря на молодость, строга, и дисциплина в команде стояла на первом месте.

Команда в свою очередь дружелюбно отнеслась к стремлениям Марка, и матросы поручали ему мелкие задания, с серьёзными лицами называя его «юнгой». Что, само собой, не укрывалось от капитана. Которая обозначила и свою линию отношений с «юнгой», но в неслужбное время – она любила поболтать вечером с Марком на носу яхты. Глядя на окрашенную закатом линию горизонта и сияющие в небе звёзды. В остальное время в присутствии остальных членов команды и родителей юнги была с ним серьёзна и даже иногда слишком.

Но в целом всех всё устраивало. И, судя по началу морской прогулки, она была многообещающей, полной впечатлений и исключительно положительных эмоций.

– Как дела, юнга? – Спросила капитан, распознав среди всплесков волн звуки движения крадущегося Марка.

– Всё в порядке, капитан. – Он вдохнул полной грудью морской воздух.

– Присоединяйся. – Она указала рукой на место рядом с собой, словно намеренно оставленное для собеседника в треугольнике носа корабля. – Диана.

– Что? – Не понял Марк.

– Здесь ты можешь меня звать Дианой.

Здесь они действительно бывали только вдвоём, за ними стол с креслами, за которыми часто отдыхали члены команды и пассажиры, но не в это время. Кто же решится мешать разностатусной и разновозрастной, но идиллии?

– Я понял... Спасибо. – Марк с улыбкой встретил умиротворение молодой женщины, сидящей в позе «лотос» с закрытыми глазами, и, повторив её позу, расположился рядом. – Просто... Диана? Значит, судно названо в вашу честь?

– Возможно, так, – уголки её губ лишь слегка приподнялись в улыбке. – Или мне имя дано в честь яхты. Кто знает? – В её голосе прозвучала загадочность.

Неподвижность её тела, закрытые глаза и лицо, словно прекрасная маска в багровом свете заката, только усиливали ощущение таинственности. По спине Марка пробежал холодок, а сердце взволнованно застучало в груди. Он глубоко вздохнул и закрыл глаза.

– Такое возможно?..

Он не смог сдержать улыбку, возобновляя диалог, и мечтательно представил фрегат с неброским названием: «Марк», несущийся на всех парусах. Матросы, снующие по судну, чётко выполняют его распоряжения, а старший помощник тенью стоит на мостике.

– Всё невозможное бывает в этой жизни.

– Вы сменили имя? – Удивился Марк, едва не открыв глаза.

– А ты поразительно догадлив для юнги...

– Но почему?! – Он всё-таки открыл глаза.

Диана, не открывая своих, подняла бокал с напитком. «Игристое», – определил Марк по наличию пузырьков. И лишь слегка коснулась губами красивой в свете заката жидкости, после чего поставила бокал рядом с собой, не пролив ни капли.

– Так мне подсказала моя звезда... – Диана открыла глаза.

– Звезда?.. В смысле, одна из тех, что в небе?

Марк окинул взглядом звёздное небо и посмотрел на Диану, пытаясь понять – «не пьяна ли она?» Но тут же отбросил эту мысль – «Капитан судна, такая ответственность. Да и этот напиток? Вряд ли винный поцелуй, даже урожая там какого-то-до-рождения-самой-Дианы года, опьянит её...»

– Конечно, на небе... – прервала Диана размышления юнги, и она снова коснулась губами вина, пузырёк которого застыл на верхней губе и затем лопнул. – У каждого есть своя звезда. – Она открыла глаза.

– И даже у меня? – Марк покачал головой в ответ на предложение глотнуть или поцеловать «игристое».

– Разумеется... – Диана легко и плавно поднялась, глядя вперёд. – Прочти небо по звёздам, найди свою звезду. Дай ей понять, что вы связаны... Это должно исходить изнутри тебя. И жди, что она тебе скажет.

Марк смотрел на небо, пытаясь понять, что из того, что он слышал, вообще реально. Начиная с чтения неба...

– А как?.. Я пойму? – Он перевёл взгляд на стоящую рядом с ним женщину.

Её лицо, белоснежное одеяние в ещё не потухшем свете заката выглядели таинственно-мистическими. Марк снова обратился взглядом к небу.

– Мне было столько же, сколько и тебе, – она, казалось, не слышала его вопроса. – Я была гораздо глупее, ветренее...

Последнее донеслось до Марка издали, откуда-то сзади от кресел:

– ... Я прочла и всё поняла. И ты справишься...

Что-то коснулось шеи Марка, вызывая мурашки. Лопнувший пузырёк, такой же, какой недавно сыграл на губе его собеседницы. Он повернул голову назад и увидел удаляющийся вдоль борта силуэт Дианы. Он снова взглянул на небо, пытаясь снова его прочесть.

– Послушайте, что прошептала мне моя звезда... – и, несмотря на то, что родители синхронно прыснули от смеха, Марк повторил за «своей звездой»: – «В камне и под камнем, в пламени огня и в пепле его, в толще воды и вне её. В недрах земли и на ней нет существа меня сильнее...»

Мать с отцом, лежащие просто на полотенцах рядом с джакузи, приподнялись на локтях. В глазах – удивление, вопросы, раздумье и даже испуг...

– Сын! – Начал отец, спасая жену от внутрисемейного признания во временном отсутствии материнских чувств в результате услышанного. – Во-первых: называть Диану «своей звездой» несколько преждевременно, нет, – он, вздохнув и соглашаясь, кивнул головой. – Я, конечно, допускаю... – вскрикнул – Надя укусила его за плечо.

– Да причём тут Диана?! – Марк поморщился фактурности сцены родительских отношений. – Нет... Она, конечно, при всём. Ведь это она научила меня читать небо и найти «свою звезду» ...

Надя выпустила из зубов плоть отца, но рот при этом не закрывала. Отец поддержал её в этом. Так они и смотрели на сына с полуоткрытыми ртами.

– Да, да, я нашёл свою в созвездии Большой медведицы, – Марк быстро говорил, понимая, что родительский сарказм вот-вот заставит его замолчать. – Она верхняя угловая в ручке «ковша», и она мне прошептала то, что... что я вам продекламировал раньше.

– Хм... – закрыл рот отец, в этот раз доверяя продолжить матери.

– Сын-о-о-о-о-к.. – протянула Надя, начав так же, когда отговаривала от общения с Натали после едва не случившейся трагедии.

– Да ну вас! – Марк, поднявшись с колен, побежал на верхнюю палубу.

– Поговорил бы ты с этой Дианой! – Надя впиалась ногтями в покрасневшую от солнца кожу груди мужа. – Понятно, что она постоянно в море, оторвана от земли, но... мальчику что-нибудь более приземлённое необходимо, а то ведь... заблудится в созвездиях...

Они снова приснули от смеха и погрузились в джакузи, где Надя под водой нажала пяткой в пах тела мужа и расширила глаза, увеличивая давление.

– Ну! – Взвыл от боли отец. – Сказал же... поговорю!

Морское путешествие подразумевало под собой посещение более двух десятков портов. Разных стран. С различными историями, традициями, культурой и достопримечательностями. И мать с отцом таскали Марка с собой, будь то скучнейшие развалины древних архитектурных ансамблей, музеи, рынки, выставки или аукцион холодного оружия древности, танцевальные шоу и страна аттракционов. Они старались напичкать сына позитивными эмоциями, и надо отдать им должное – это получалось.

– Смотри, как его это «звёздное чтиво» зацепило, сам на себя не похож... – Надя кивнула на сына, который замер возле костюма конкистадора в одном из музеев на побережье.

– Ага... «звёздная болезнь» прямо... – улыбнулся отвлечённо отец, разглядывая схему приготовления древнего алкогольного напитка из агавы.

И тут же получил короткий тычок в пивной животик.

– Ты поговорил с Дианой?! – Надя расширила глаза, глядя в мужские, и вторгаясь в личное пространство мужа.

– А о чём? – Втянул живот тот, ожидая новой атаки. – Сын в порядке! Чуть-чуть неостоянен, но очевидно же в разы лучше, чем был. Пусть эти звёзды хоть сачком с Дианой ловят. Ничего критического пока не вижу.

– Если дойдёт до критической точки, я тебя и Диану скормлю акулам! – Прошипела змеёй Надя, видя приближающегося Марка, и улыбнулась ему. – Ну как, сынок?.. Как тебе эти завоеватели?

– Потрясающе! – Живо отреагировал сын, умиляя родителей. – Особенно я в восторге от их галеона. Макет в полном масштабе – это мощь!

– И путеводная звезда над ним горит... – успел вставить отец, за что получил короткий тычок в почку.

–... Вот бы на нём в море... – Марк мечтательно произнёс, глядя в морскую даль, не замечая возни родителей.

– Ну, ну, сынок... – Надя обвила его рукой, уводя в сторону от мужа. – Какие твои годы? Выйдешь ещё и не раз!

– Думаешь? – Марк оглянулся на отца, ища в его глазах опровержение слов матери.

Но Надя своими быстрыми движениями не дала отцу и попытки разочаровать сына, развернувшись всем телом сама и подхватив мужа под руку повела их обоих. Маленькая, обоим по плечо. Но целеустремлённая и во всём уверенная.

– Конечно, что за вопрос. Идём гулять! – и затем на спуске, задержавшись на одну ступень лестницы, потрепала своих мужчин – Марка за густую шевелюру волос, мужа за его лысину.

– Почему ты выбрала море? – Марк смотрел на неподвижный профиль и устремлённый взгляд вперёд собеседницы.

Они уже давно перешли на «ты» – Диана не считала себя старой. Хотя ей вряд ли ранее кто-то даже намекнул об этом.

– Из-за любви... – после паузы ответила капитан, так словно впервые поделилась своим сокровенным.

– Из-за любви... к морю?

Марк, понимая её полностью и разделяя её чувства, сидел рядом в такой же позе, что и Диана, хоть потом всегда и ощущал боли в ногах. Так они общались уже не первую неделю и ежедневно. Только возле Марка стоял бокал с минеральной водой, а не с вином.

– Нет, почему же? – донеслось до него справа. – К мужчине...

– В смысле? – Он, открыв глаза, повернулся к «живому изваянию», застывшему рядом с ним.

Теперь повернулась и она к нему. В её глазах удивление – «очевидно же...».

– Он любил меня и море... – Она, продолжая смотреть в глаза юнги, поднесла к губам бокал и снова только коснулась их вином. – Он выбрал море. Я решила узнать «почему?» ...
– Диана отвернулась.

– И?!

– И я полюбила море.

Лёгкий вечерний бриз ласкал их лица, словно заботливой рукой поправляя волосы.

– А какая твоя звезда? – Марк прервал пугающее его именно сейчас молчание.

– Не называй никому своей звезды и не рассказывай о диалогах с ней... – чуть понизив голос, проговорила Диана, – иначе это всё потеряет смысл.

– Но я уже... – закусил нижнюю губу Марк.

– Рассказал предкам?

– Да...

– Не страшно... это твои близкие, – она сменила позу – встав на колени, мягко села на пятки. – Тем более, что они не особо-то тебе верят, не так ли?

– Точно. – Он тоже сменил позу, хоть и не любил именно эту из-за последующих болевых ощущений.

Он впился глазами в свою звезду. В её многообещающе мерцание, которое, как ему казалось, меняет цвет, от бледно-стального до золотисто-жёлтого и даже фиолетово-пурпурного. Звезда молчала. Как и Диана. Которая молча ушла. Всегда делала так, оставляя его наедине со звездой. Понимая, насколько важен для него сам процесс общения и его качество. Высшей степени которого можно было достичь только в уединении.

Теперь он точно решил, что больше не поделится тем, о чём говорит со звездой, даже с родителями. «Это нерушимо личное...»

Вояж затягивался. Но все были довольны. Особенно пассажиры. И команда, застоявшаяся в одном месте до этого, в течении месяца обслуживающая короткие, в основном ночные прогулки не трезвых и не совсем культурных аборигенов полуострова.

– Ну чего «родаки» то не пилят? – Константин с улыбкой наблюдал за родителями Марка в пятистах метрах от яхты нарезающими круги на скутере. – Как дети...

– Да как?.. – младший матрос с удивлением взглянул в смеющиеся глаза Константина. – С патологическим постоянством, уже устал «склеиваться» после их «распилов». Голова гудит как улей...

– Плюнь!

– Как?..

– Смачно, слюной... – Рассмеялся белозубо Константин, играя мышцами.

– А чуть-чуть больше конкретики?

Константин стёр ветошью масло с рук и постучал ладонью одной из них по мощной груди. Он отвечал за двигатели всех машин – два скутера, четырёх местный скоростной бот и резиновая лодка с двумя мощными моторами, ну и само собой за механическое сердце яхты.

Они с Марком четверть часа назад отправили в плавание скутер с семейной парой.

– Подыграй им, – механик взглянул на юнгу хитро прищурившись, – Пусть получают визуально то, что хотят от тебя, а сам разумно делай своё. Начни с мелочей. Такое и в жизни пригодится, поверь мне... ты же, наверное, всё в штыки?

– Ну, а как ещё если они?.. – начал Марк и замолчал, услышав в словах Константина рациональное зерно, задумался.

– Вот видишь, – улыбнулся Константин, – начинаешь размышлять, значит всё получится. Знаешь, как у меня было жёстко? У-у-у.. – он взглянул на небо и улыбнулся, – до тех пор, пока я не начал двигаться по чётко выстроенному отцом жёсткому плану, а сам гнул свою линию, когда находился в не зоне доступа его контроля. Когда всё вскрылось, было уже поздно и они только махнули рукой. Правда... – Его взгляд ясный лучистый вдруг потускнел, – это привело меня не к лучшим моментам моей жизни. Но... тут главное не перегнуть. Не переступить черту. Научись балансировать на грани, что так же поможет в будущем. Тем более посмотри, – Константин снова улыбаясь кивнул на родителей Марка, – у них сейчас возрождение молодости...

– Ты серьёзно? – Но Марк и сам слышал смех увлечённых ездой на скутере родителей.

– Ну. Смотри тебе сестру или брата за бабахают. Тебе на руку будет. Всё внимание сконцентрируется на новой жизни... – Константин рассмеявшись покачал головой глядя какие трюки выделывают на скутере взрослые люди, – подкинь им эту идею.

Юнга задумался.

– Как у тебя с нашей то всё нормально? – механик достал из переносного холодильника пару банок ледяного лимонада одну протянул Марку. – С принцессой?

– Дианой?

– Ага. – Константин ловко подкинул пластиковый ящик с инструментами, поймал перевернувшийся в воздухе и поставил на пол, открыл, удивлённо наморщил лоб и принялся наводить порядок в нём.

– Да. Всё супер... – Юнга посмотрел на небо – не светит ли его звезда, вздохнул, на небе только одна – Солнце, и оно в зените, – Она на самом деле в море из-за любимого пошла?

– Это она так?.. – Константин, морща лоб придирчиво проверил провода тестера.

– Да.

– Ну, можно и так сказать... – парень загадочно улыбнулся, посмотрев в даль, – если бы не одна небольшая деталь...

– Я смотрю не для всех работа есть на судне?! – Раздалось строгое и однозначно капитанское, – раз языки заняты больше чем руки.

На верхней палубе в белоснежной форме и пилотке стояла капитан, глядя на них и только бровями потребовала ответ от невольно поднявшихся собеседников.

– Работаем капитан.

– Да, работаем...

Диана усмехнулась и взглянула на вопящую Надю с трудом удерживающуюся за жилет отца. Покачала головой и повторила уже озвученную ранее оценку:

– Как дети!

Через десять минут механик и юнга под взглядом капитана встречали пару «взрослых детей». Эмоционально возбуждённых. Запыхавшихся. Со светящимися глазами на загорелых лицах.

Денис кормил гостей и команду яхты. К двадцати годам успел поработать в нескольких европейских ресторанах, отмеченных мишленовскими звездами.

Загорелый блондин. Не болтун, если это не касается описания блюд. С открытым взглядом вечно весёлых зелёных глаз. Крепкий и видимо от природы. Всё тело покрыто татуировками – биомеханика в сочетании с космическими пришельцами в 3-D формате.

Сегодня юнга помогает ему – намечался банкет. День рождения Георга с «беззвучной» фамилией Распутин. Глубокие русские корни.

Денис простыл при погружении и его вкусовые рецепторы не работали, и Марк подрабатывал на камбузе ещё и «индикатором вкуса». То ещё занятие – Денис подвергал детальному расспросу после каждой дегустации, будь то соус, крем или тесто для торта. И по требованию необходимо было описать ощущения и всю гамму послевкусия.

– Кок! – Марк тестировал заварной крем для зефирного торта с орехами и сухофруктами. До этого был соус для тигровых креветок на основе имбиря. – Очень вкусно...

– Что за ответ юнга! – Глаза Дениса даже утратили свой обычный весёлый огонёк, – это не может быть «вкусно». Это должно передать тебе весь спектр вкусовых ощущений и последовательно, каждый ингредиент этого десерта своеобразен и дополняет друг друга, крем же, подчеркивает вкус груши в зефире и только затем он толкает тебя плавно в объятия миндаля. Но и там ты ненадолго. Твоё путешествие заканчивается в лесу на ягодной поляне, где растут и черника, и земляника и даже немного брусники.

– И как мне это всё «прокачать»? – Марк удивился очередному описанию блюда. – Закусить крем зефиром, а затем засыпать в рот орехи и сухофрукты, или... в обратном порядке?

– Дилетант... – покачал головой Денис улыбаясь. – А как же основа из слоёного теста. Нет. – Он вздохнул закапал каплями нос. – Это... – очередная салфетка полетела в ведро с мусором. Кок дважды помыл руки. Тщательно вытер. – Это я доверю своим точным расчётам консистенций, составных блюд и времени. А ты мне вечером расскажешь соответствовало это всё моим описаниям. Только один вопрос? Вкуса ванили и шоколада ты не ощутил?

– Нет. Так мы же туда и не добавляли ни того ни другого?! – Удивился искренне Марк.

– В этом-то и есть мастерство повара, – цыкнул сквозь зубы Денис, – добиться вкуса в блюде ноток продуктов, которые в нём отсутствуют...

– Зачем?! –Ещё больше удивился юнга, принимая ковш с железной массой и с пониманием принялся перемешивать. – Ведь можно же просто положить необходимые для вкуса продукты и всё!

Денис посмотрел на юнгу как Папа Римский на еретика.

– Ты сам ответил на свой вопрос... – «просто». Это всё слишком просто. Стоп! – И Выхватил из его рук ковш сунул в печной шкаф, мигающий своим интерфейсом. – Тогда это будет смесь из вкусов. А нам, помнишь?... необходимо, по шаговое, восхождение на «вкусовой Олимп». – И Денис рассмеялся, бросая полотенце в собеседника.

Марк понял – кок, как и любой повар не выдаёт личных секретов, Денис – вуалируя свои обычной весёлой болтовнёй.

– Денис?..

– Да?

– А Диана?

– Что, Диана? – Высморкался громко кок.

– Она?..

– Ну да, «она» ... не он! Не научился различать людей по половым признакам? Говори, что мнёшься как голодный возле кухни.

– Ну... правду говорят, что она пошла в море?..

– Из-за несчастной любви? – Денис открыл печь, окинул быстрым взглядом стоящие там блюда и закрыл снова, открыв новую пачку салфеток. Шмыгнув носом, он продолжил: – Ну не в петлю же лезть из-за неё... – Он повернулся и застыл, и Марк всё понял, глядя на кока, который «официально» продолжил. – В твои годы я не слазил с чистки картошки...

– А юнга у нас здесь не растолстеет? – Донеслось из-за спины, вполне ожидаемое для Марка, который покраснел до корней волос. – В машинное отделение, если что, влезет?

– Так всё, капитан! – Глаза Дениса светились искренностью, что никак не сочеталось с его красным носом. – Задача, что была возложена на юнгу, выполнена. – И он пожал плечами. – Может быть, свободен.

Марк ощутил, как по его спине пробежал холодок, а на лбу выступил пот.

– Иди помоги Питерсону! – Диана мягко улыбнулась развернувшемуся к ней Марку. – У него что-то неладное с антеннами...

Юнга проскользнул мимо капитана и, уже поднимаясь, услышал её голос, подымающийся на октаву выше, но не разобрал слов.

Питерсон возился над рубкой – высокий брюнет с чёрными угольными глазами, волосы которого были забраны в хвост на затылке. Он насвистывал что-то «хитовое», название которого Марк не знал, но неоднократно слышал на радиоволнах.

– Ты чего такой, словно приведение увидел? – Питерсон, прерывая «хит», даже не взглянул на юнгу.

– Меня капитан прислала. Помочь...

– Значит, точно увидел. – Только теперь взглянув на Марка, он удовлетворенно кивнул.

– Приведение?

– Да. Держи!

В руки Марка упала небольшая бухта с проводами.

– Три куска по полтора метра. Там метки – на самих проводах, так что не ошибёшься. – Сам Питерсон ловко вскрывал коробку соединений, а второй рукой открывал сумку с инструментами.

– Так почему, приведение-то? – Марк непроизвольно перешёл на шёпот.

Питерсон зажал провода измерительного прибора в губах, «стрельнул» глазами по сторонам и быстрыми точечными движениями пробежал по контактам. Удовлетворенно хмыкнув, он буквально без движения губ спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.